

Михаил Федорович

Ранней весной 1613 года провинциальная Кострома, притихшая и боязливая (в окрестностях пошаливали шайки интервентов – поляков и литовцев, своих казаков и прочих «воров»), испытала радость несказанную – появилась у ее жителей, как и у всех россиян, надежда на окончание Смуты, «великого литовского разорения», поставившего страну на грань национальной катастрофы. Тринадцатого марта в город прибыла из Москвы большая делегация из лиц духовных и светских. Среди первых – Феодорит, архиепископ рязанский; троицкий келарь Авраамий Палицын, автор известного «Сказания» о событиях Смутного времени, сам активный организатор борьбы с интервентами; три московских архимандрита (из монастырей – Чудова в Кремле, Новоспасского – родовой усыпальницы Романовых, Симонова); три протопопа. Из вторых – Ф.И. Шереметев, родственник Романовых, В.И. Бахтиаров-Ростовский, окольник Ф. Головин. Их сопровождало большое число менее знатных лиц: стольники, стряпчие, жильцы, приказные люди, выборные люди из городов.

Приехали послы – а их направил сюда Земский собор, «обравший» на русский престол еще в январе Михаила Федоровича Романова, – довольно поздно, к вечеру. Известили о своем прибытии семнадцатилетнего новоизбранного царя, и тот им ответил: поздно, мол, приходите завтра.

Послы дали знать о том воеводе и всем жителям Костромы. На следующий день московские посланцы и костромичи большим собранием двинулись к Ипатьевскому монастырю. За его крепкими стенами проживали Михаил и его матушка старица Марфа. Оба они встретили просителей, но, узнав, в чем их дело, «с великим гневом и плачем» отказали им всем. Говорили, что не быть Михаилу царем и не ехать в столицу Российского царствия. Первый сказал, что царем-государем быть не желает, а вторая – не благословляет-де сына на столь великое решение. Не захотели оба даже идти в соборную церковь. Последовали уговоры послов и отказы сына и матери. То же продолжалось и в храме, в который они все-таки соизволили, после многих просьб, войти.

Так полагалось по тогдашнему этикету, который позднее, в XVIII веке, стали звать политесом. Особенно усердствовала инокиня-мать:

– У сына моего и в мыслях нет на таких великих православных государствах быть государем. Он не в совершенных летах, а Московского государства всяких чинов люди по грехам измалодушествовались: дав свои души прежним государям, непрямо служили.

Напомнив о Годунове и убийстве первого «Дмитрия Ивановича» (от которого ее муж получил сан ростовского митрополита), она вопрошала:

– Видя такие прежним государям крестопреступления, позор, убийства и поругания, как быть на Московском государстве и прирожденному государю государем?

Далее старица напоминала о запустошении страны, похищении «литовскими людьми» «прежних сокровищ царских, из давних лет собранных», раздаче в поместья разным людям сел, волостей, пригородов и посадов, их разорении, бедности служилых людей; «и кому повелит Бог быть царем, то чем ему служилых людей жаловать, свои государевы, обиходы полнить и против своих недругов стоять?». В этих условиях быть Михаилу царем – «только на гибель». Помимо прочего, без благословения отца митрополита Филарета сыну никак нельзя дать согласие «быть на Московском государстве». А родитель его, как всем известно, в польском плену – «у короля в Литве в большом утесненье»; и не было бы ему худа от избрания царем его сына.

– И как сведает король, что на Московском государстве учинился сын его, то сейчас же велит сделать над ним какое-нибудь зло.

Взаимные доказательства, уговоры продолжались, ни много ни мало, шесть часов – с третьего дня, то есть с раннего утра (начинались в два с небольшим часа после рассвета) до девятого часа. Наконец Михаил и Марфа согласились. Все подходили к царской ручке, целовали ее, радуясь согласию юноши. А тот изволил сообщить, что вскоре будет в царствующем граде.

Пять дней спустя, 19 марта, царь выехал из Костромы в Ярославль; оттуда, через другие города и селения, через Троицкий монастырь подъехал в начале мая к столице. Первого мая Михаил с матушкой были в селе Тайнинском, где находился один из путевых дворцов на пути в Троицкую обитель. А на следующий день, в воскресенье, весенняя, праздничная и ликующая Москва встречала царя. Толпы людей вышли за город, приветствовали новоизбранного монарха, такого молодого, тихого, доброго, каким он всем виделся. Михаил напоминал блаженной памяти боголюбивого и смиренным обложенного царя Федора Ивановича. К тому же был двоюродным братом последнего по матери – Анастасии Романовне Захарьиной-Юрьевой (от ее брата Никиты Романова и пошла их новая ветвь – Романовы). С воцарением Михаила россияне связывали надежды на окончание Смуты, замирение государства, на наступление тишины и покоя.

Помимо родства с угасшей династией Рюриковичей-Калитовичей, Романовы, Захарьины-Юрьевы имели в глазах людей того времени славную родословную, немалые заслуги перед Русью, Россией.

Среди московского боярства издавна, со времен первых собирателей Руси, заметное место заняли бояре Кошкины, от которых потом пошли Захарьины-Юрьевы, Романовы. Их родоначальником фамильное предание, вошедшее в родословные книги, считает выходца из Литвы, или «из Прус», Гланда-Камбилу Дивоновича. На Русь он приехал в последней четверти XIII века. Крестился, получил имя Иван. Его сын Андрей Иванович, прозвищем Кобыла (русифицированное от Камбилы, вероятно). От него осталось пять сыновей (внуков первовходца), в числе их – Федор Кошка, самый младший. Они стали основателями боярских, дворянских родов. Если Андрей Иванович с сыновьями звались Кобылиными, то Федор и его сын Иван – уже Кошкиными, «Кошкин род» по русским летописям. А потомки последних стали сначала Кошкиными-Захарьиными, позднее просто Захарьиными. За ними последовали Захарьины-Юрьевы, Яковлевы, Юрьевы, Захарьины-Романовы, просто Романовы. Кошкины, по словам В.О. Ключевского, «блистали при московском дворе в XIV и XV веках. Будучи представителями нетитулованной, то есть не княжеской, фамилии, они, по его выражению, «не потонули в потоке новых титулованных слуг, нахлынувших к московскому двору с половины XV в.». Князья Воротыньские, Мстиславские, Шуйские и прочие не оттеснили Кошкиных из «первого ряда боярства».

От других сыновей Кобылы пошли иные рода, тоже известные в летописях отечественной истории, хотя и в меньшей степени, чем Кошкины, Захарьины, Романовы. Это Колычевы, Коновицыны, Неплюевы, Шереметевы и другие.

Московские вельможи – потомки первого Кошки занимали видные места при дворе – заседали в Боярской думе, воеводствовали в полках и городах, ездили послами в чужеземные страны. Так продолжалось до середины XVI века, когда Романовы стали звездами первой величины на московском политическом небосклоне. Причина тому – замужество Анастасии Романовны, представительницы их рода. Она вышла замуж за Ивана IV Васильевича Грозного, только что провозглашенного царем, первым в России (1549 год; до этого носил, как и многие его предшественники, титул великого князя). Видную роль в придворных, военных делах играл ее брат Никита Романович, воспетый даже в народных песнях. Согласно песне «Грозный и сын», Никита Романович спасает сына царя, посланного отцом на смерть. Сюжет этот, конечно, выдуман – на самом деле Грозный убил собственноручно сына Ивана; но характерно, что в народе – и составители песни это ярко отразили, – осуждая царя-тирана, деспота, в благожелательных тонах рисуют образ Никиты Романовича, боярина доброго и популярного среди простых людей. О степени его влияния говорит тот факт, что Грозный, умирая (март 1584 года), первым в регентском совете при сыне-преемнике Федоре называет того же Н.Р. Юрьева. Правда, в конце того же года Никита Романович заболел и отошел от дел. При дворе началась борьба за власть; на первое место выдвигается Б.Ф. Годунов, шурин царя (женатого на его сестре Ирине).

В политической жизни и борьбе при царях Федоре и Борисе активное участие принял Федор Никитич Романов. Ко времени воцарения Федора Ивановича ему исполнилось примерно тридцать лет. Родился он около 1554–1555 годов. Старший из шести сыновей Никиты Романовича, Федор был наиболее способным и даровитым. В народе он слыл боярином ласковым, обходительным, добрым, Отличался он и любознательностью: по словам Д. Горсея, проживавшего в русской столице англичанина, Федор Никитич хотел учить латынь. Современники считали его щеголем – по одежде, манерам. Он считался красивым и приятным мужчиной. Один из голландцев, живших тогда в Москве, записал в своем сочинении о России: портной, шивший кому-нибудь платье, на его примерке, чтобы сделать приятное клиенту, говорил ему, что он-де совсем как Федор Никитич Романов. Несомненно, не лишен он был властолюбия и честолюбия.

Из разрядных книг видно, что Ф.Н. Романов уже в 1580–1590 годах весьма заметная фигура по тогдашней табели о рангах. То он «сидел в кривой лавке» на приеме литовского посла Лукаша Сапеги в феврале 1585 года, то во время русско-шведской войны 1590–1593 годов участвовал в походе к Ругодиву (Нарве), Ивангороду, Копорью и Ям-городу в самом начале военных действий. Он числится среди бояр «з государем», то есть с царем Федором, потом «боярином и дворовым воеводой» (вторым после Бориса Годунова). По «береговой росписи» (список полковых воевод, посланных на берега реки Оки против крымского хана) от 28 марта 1596 года Романов – второй воевода правофлангового полка. Первый воевода в нем – боярин князь В.И. Шуйский.

Два года спустя боярин – снова участник царского похода, на этот раз, после кончины сына Грозного, – во главе с новым монархом Борисом Годуновым (апрель 1598 года) против войск крымского хана Казы-Гирея. Федор Никитич получил назначение очень почетное – первым воеводой «государева полка», то есть отборного воинского соединения, нечто вроде позднейшего гвардейского. Его заместителем стал его брат Александр Никитич Романов. То же повторилось в майской росписи воевод – их имена стоят впереди всех других, в том числе и Шуйских.

Его служебные успехи, высокое место среди российской знати не могли не вызывать зависти, противодействия. Проявлялись они по-всякому, в том числе и в местнических спорах. Например, князь Ф.А. Ноготков, из рода Оболенских, получивший должность второго воеводы сторожевого полка, более низкую, чем у Ф.Н. Романова, бил на него челом. Он, как и многие в подобных случаях, не хотел да и не мог допустить «потерьки», «порухи» себе и своей фамилии и тогда, и на веки вечные. Ему, доказывал Ноготков, «меньши боярина Федора Никитича Романова быть невместно»; более того, «мочно ему», Ноготкову, «быть больши боярина Федора Никитича, дяди Данилы да отца ево Никиты Романовичей Юрьевых». Подобные претензии Ноготкова-Оболенского вызвали гнев обычно тихого царя Федора:

– Велено тебе быть на нашей службе на берегу меньши боярина Ф.Н. Романова; «а до Данила и до Никиты (то есть дяди и отца Федора Никитича. – В.Б.) тебе какое дело? Данила и Микита были матери нашей братья, мне дяди. И дядь моих Данилы и Микиты давно не стало. И ты чево... мертвых бесчестишь? А будет тебе боярина Федора Никитича меньши быть нельзе, и ты на него нам бей челом и проси У нас милости».

После такой царской отповеди получалось, что Ноготков оказался виновен в «невместном» челобитье, за что царь повелел посадить его в тюрьму.

Местничался в той же службе с Романовым и П.Н. Шереметев, третий воевода большого полка. Они при объявлении росписи в Кремле даже «у царской руки не был и на службу не поехал». Царь-батюшка в ответ на такое непослушание велел его сковать, посадить в телегу – воеводу вывезли за посад, за столичную окраину, и отвезли туда, куда назначили. Но, прибыв в полк (в Серпухов), Шереметев, дважды «отговаривался», не брал списки полковых служилых людей; но в конце концов списки взял – сила силу ломит! Причем к Шереметеву, как и другим наместникам-челобитчикам по той же службе, от царя «писано... многижда с великою опалею и смертною казнью; а велено им списки взять и быти на службе по росписи». И те смирились (в том числе и Шереметев) – сообщили царю, что «списки взяли и государевым делом промышляют, блюдяся государевы опалы».

Два года спустя Ф.Н. Романов снова был вовлечен в местнический спор Ноготкова-Оболенского. Правда, не прямо, а косвенно. Князь бил челом не на него, а на своего сородича князя А. Репнина, тоже из Оболенских, и его сослуживца князя И.В. Сицкого. Оба они – третьи воеводы «на берегу», но первый – в передовом полку, второй – в правой руке. Родич Ноготкова князь Репнин оказался ниже по чести князя Сицкого, но не бил на него челом и тем самым допустил местническую «потерьку» для всех Оболенских. Сделал-де это по дружбе с этим самым Сицким и угождая Ф.Н. Романову. Все они трое – великие друзья, как братья. И то «воровское нечелобитье» Репнина Романов умыслил, чтобы сделать «поруху и укор в отечестве» всему роду Оболенских. По просьбе Ноготкова царь велел его челобитье записать в «разрядную книгу», отметив, что Репнин не бил челом на Сицкого по дружбе и виноват в том он один, а роду Оболенских в том порухи в отечестве никому нет.

Все эти местнические свары, уколы, можно полагать, не принесли особых переживаний боярину Федору. За ними последовали события куда более неприятные. Кончина царя Федора, тихого и благонравного, восшествие на престол Годунова привели вскоре к изменению в расстановке политических сил, симпатий и антипатий. Началась, как всегда в таких случаях, борьба разных группировок за власть и влияние. Победа Бориса, при поддержке «великой государыни» Ирины Федоровны, его сестры, вдовы усопшего монарха, и патриарха Иова, его же ставленника, неизбежно столкнула нового царя с придворной знатью, более «породной» и не менее честолюбивой, чем он. Не последнее место в этой среде занимал и Ф.Н. Романов, двоюродный брат царя Федора. Поначалу царь Борис отмечал Федора Никитича среди других вельмож. Поговаривали при этом, что он дал ему

страшную клятву в том, что боярин будет при нем братом и помощником в управлении государством. Но добавляли, что делал это Годунов с той целью, чтобы Романовы сами не помышляли о царском троне. К тому же ходили слухи о том, что царь Федор, умирая, выразил желание, чтобы именно они унаследовали престол; называл как будто при этом имя боярина Федора Никитича.

Соответствовало ли все это истине – никто не ведает. Во всяком случае, Годунов видел в боярине Федоре Никитиче и его родне опасных соперников. И недвусмысленно это показал. Известно, что при всех своих способностях и уме царь отличался мнительностью, подозрительностью, склонностью к донощикам, ведунам, чародеям. Получил он донос и на Романовых: второй Бартенев, холоп и казначей брата боярина Федора – Александра Никитича Романова, пробрался однажды тайком к ближайшему родственнику царя дворецкому Семену Годунову, и оба они, по указанию самого правителя, разложили по мешкам какие-то корни, и слуга-предатель подбросил их в кладовую своего господина. Потом донес об «отравном зелье», и царь тут же послал для обыска одного из Салтыковых. Тот «нашел» мешки, доставил их к патриарху на двор. При многих собравшихся людях корни высыпали на всеобщее обозрение. Привели и Федора Никитича с братьями. Поднялся в толпе сильный шум; аки звери лютые, «пыхали» бояре на Романовых, и они не могли, из-за многоголосия, криков, ничего сказать в свое оправдание. Их самих, родственников, друзей (Черкасских, Перниных, Сицких, Шестуновых и других) взяли под стражу. Романовых и одного из Черкасских – князя Ивана Борисовича, их племянника, даже пытали, и не единожды. То же – и с их «людьми», которых принуждали наговаривать на своих владельцев; но они, к их чести, оказались стойкими. В июне 1601 года бояре вынесли приговор; Федора Никитича постригли, и инок Филарет, как теперь его стали именовать, последовал в ссылку – далекий северный Антониево-Сийский монастырь; его жену Аксинью (Ксению) Ивановну – в один из заонежских погостов; она стала инокиней Марфой. Сослали в разные места ее мать, тещу Филарета, четырех братьев последнего: Александра, Михаила, Ивана и Василия. Дети Федора Никитича, пятилетний Михаил и маленькая его сестрица, с тетушкой Настасьей Никитичной Черкасской и женой Александра Никитича Романова оказались на Белоозере. Та же судьба постигла других родственников и приятелей.

Из пяти братьев Романовых выжили только двое: Филарет и Иван; остальные умерли в ссылке. Один из братьев, Василий, оказавшийся в Яренске, говорил приставу Некрасову, сильно его притеснявшему:

– Погибли мы напрасно, без вины к государю, в наносе от своей же братии (от бояр. – В.Б). Они на нас наносили, сами не зная, что делают. И сами они помрут скоро, прежде нас.

Пророчество Василия Никитича Романова сбылось не полностью. Брат его Федор пережил некоторых недоброжелателей из бояр. Но Василий долго не прожил, Уже в Пелыме, куда ему разрешили переехать – к брату Ивану, он снова, уже перед кончиной, спорил с приставом. Тот упрекал его и всех Романовых:

– Кому Божиим милосердием, постом, молитвою и милостынею Бог дал царство; а вы, злодеи, изменники, хотели царство достать ведовством и корнем.

Василий Романов не без ехидства ответил:

– Не то милостыня, что мечут по улицам; добра та милостыня: дать десною рукою, а шуйца не ведала бы.

Используя мудрый завет Христов (при подаче милостыни пусть-де левая рука не ведает, что делает правая), князь Василий намекал на обстоятельства избрания Годунова царем: по некоторым преданиям, московский люд приставы «неволею» гнали по улицам к Новодевичьему монастырю, где находились Ирина и Борис Годуновы. Здесь их принуждали, «чтоб с великим кричанием вопили и слезы точили. Смеху достойно! Как слезам быть, когда сердце дерзновения не имеет? Вместо слез глаза слюнями мочили». Тех, которые не хотели молить царицу Ирину (дать согласие на провозглашение царем ее брата), «били без милости».

Ивана Романова вскоре отправили на службу в Нижний Новгород; детей Филарета – в Юрьев-Польский уезд, где у него имелась родовая вотчина. Сам опальный инок вел себя в ссылке непокорно, даже вызывающе. Своему приставу Богдану Воейкову, с которым постоянно враждовал, не раз говорил «встречно»:

– Государь меня пожаловал, велел мне вольность дать; и мне бы стоять на крылосе.

– Не годится со мною в келье жить малому (молодому человеку, не посвященному в иноческий чин, «бельцу».-В.Б.); чтобы государь меня, богомольца своего, пожаловал, велел у меня в келье старцу жить. А бельцу с чернецом в одной келье жить непригоже.

Но слова о «малом» – попытка Филарета не избавиться от него, а, наоборот, оставить у себя: говорил же он так потому, что, очевидно, пристав и, может быть, монастырские власти в ответ на его просьбы делали все наоборот. По словам пристава, «он малого очень любит, хочет душу за него выронить». Сам же «малый» на все выпытывания Воейкова (о чем-де с ним говорит старец Филарет, упоминает ли своих друзей?) отвечал:

– Отнюдь со мной старец ничего не говорит.

Рассерженный пристав доносил в Москву царю: «Малый с твоим государевым изменником душа в душу», и посему, мол, не стоит его держать в келье Филарета. Старец без обиняков говорил церберу о боярах-ненавистниках:

– Бояре мне великие недруги. Они искали голов наших, а иные научали на нас говорить людей наших; я сам видал это не однажды.

– Не станет их ни с какое дело, нет у них разумного. Один из них разумен Богдан Вельский, к посольским и ко всяким делам очень досуж.

Филарет, выбитый из привычной жизненной колеи, лишенный многого, к чему привык, особенно тосковал по детям и жене:

– Малые мои детки! Маленьки, бедные, остались, кому их кормить и поить? Так ли им будет теперь, как им при мне было? А жена моя бедная! Жива ли уже? Чай, она туда завезена, куда и слух никакой не зайдет! Мне уж что надобно? Беда на меня жена да дети: как их вспомнишь, так точно рогатиной в сердце толкает. Много они мне мешают: дай, Господи, слышать, чтоб их ранее Бог прибрал; я бы тому обрадовался. И жена, чай, тому рада, чтоб им Бог дал смерть. А мне бы уже не мешали – я бы стал помышлять одною своею душою.

Человек, как видно, сердобольный, чадолюбивый, ценивший жену, он, несмотря на свой стойкий характер, испытывал иногда, судя по приведенным словам, чувство горечи, даже обреченности.

Годунов внимательно следил за ссыльным Филаретом, его поведением в монастыре. На донесение Воейкова ответил в духе примирительном, но строгом:

– Ты б старцу Филарету платье давал из монастырской казны и покой всякий к нему держал, чтоб ему нужды ни в чем не было. Если он захочет стоять на крылосе, то позволь; только бы с ним никто из тутошних и прихожих людей ни о чем не разговаривали.

Жить у Филарета «малому» царь запретил; пусть-де его соседом будет какой-нибудь старец, «в котором бы воровства никакова не чаять». Богомольцы, крестьяне и вкладчики, тутошние и прихожие, пусть воздают хвалу Богу, но «чтобы к старцу Филарету никто не подходил; с ним не говорил и письма не подносил, и с ним не сослался».

Переписка эта состоялась в 1602 году, год примерно спустя после ареста и ссылки. Три года после нее тот же Воейков жаловался царю на послабления, которые делает Филарету Иона, монастырский игумен. Годунов со ссылкой на пристава выговаривал святителю: монастырские старцы Иринарх и Леонид рассказывали Воейкову, что ночью 3 февраля Филарет бранил одного из них, Иринарха, «с посохом к нему прискакивал, из кельи его выслал вон и в келью ему к себе и за собою ходить никуда не велел». Далее в мартовской царской грамоте игумену Ионе упоминаются факты... еще более неприятные, очевидно, царю:

– А живет старец Филарет не по монастырскому чину, всегда смеется неведомо чему и говорит про мирское житье, про птиц ловчих и про собак, как он в мире жил.

Слова эти весьма любопытны. Филарет, судя по ним, словно бы ожил, оставил мрачные мысли, ранее его одолевавшие, «возвеселился», как тогда выражались, – вспоминал свои светские забавы (охота с ловчими птицами и собаками). Еще более интересно и загадочно выражение – «всегда смеется неведомо чему». Старцы, поведавшие о том, не знали или скорее не хотели показать, что знают или догадываются о причинах, смысле «неведомого» смеха Филарета. Происходило все это в конце зимы 1604–1605 годов, когда во всю развивалась самозванческая интрига. К этому времени Лжедмитрий I дал несколько сражений русским войскам, захватил немало городов и уездов. Дело шло к свержению Годунова и воцарению «государя царя и великого князя Дмитрия Ивановича всея Руси».

С самого начала столетия замысел, связанный с выдвижением против Годунова «царевича Димитрия», будто бы спасшегося в памятный день 15 мая 1591 года, был выношен среди московских вельмож, противников царя Бориса. Входили в их число и Романовы...

Роль «царевича» играл как будто сын боярский (мелкий дворянин) из Галича, что в Заволжье, Григорий Отрепьев. Теперь, лет пять – шесть спустя после вызревания боярского заговора, самозванец, с помощью Речи Посполитой и папских иезуитов, приступил к осуществлению тех планов. Известия о том, что происходит на юго-западе России, вероятно, воодушевляли Филарета на смех и радостные ожидания. Старцы монастырские, согласно той же годуновской грамоте игумену Ионе, жаловались Воейкову на Филарета: он к ним «жесток», «бранит он их и бить хочет, и говорит им: «Увидите, каков я вперед буду!»

Старец очень непослушен – к духовнику своему на Великий пост не явился; не приходил «в церковь и на прощанье» (на «прошениый день», когда верующие прощаются перед грядущим концом света и просят прощения друг у друга) «и на крылосе не стоит». Царь указывает игумену унимать Филарета от «дурна», усилить за ним наблюдение; снова следует внушение – чтобы ссыльный «нигде бы... с прихожими людьми не сходился».

Слухи и разговоры о появлении и успехах первого Лжедмитрия, скорой гибели Годуновых, как отмечает С.М. Соловьев, подвигли игумена Иону на снисходительное отношение к Филарету; можно добавить: и на изменение в поведении бывшего боярина.

Филарет получал в монастыре вести о своей семье. Крестьяне Толвуйской волости, поп Ермолай сообщали ему о жене, а последней – о нем. Так что безрадостные размышления о смерти супруги и детей, несомненно, оставляют его. А вскоре в судьбе старца и членов его семьи произошли счастливые изменения.

После перехода годуновского войска под Кромами на сторону самозванца и восстания москвичей (оба события – в мае 1605 года) Лжедмитрий I 20 июня вступил в столицу России. Месяц спустя венчался на престол «прародителей своих». Как обычно в таких случаях, царь жаловал приближенных, угодных ему лиц. На этот раз среди них оказался Филарет: возвращенный из ссылки, он, волей «царя Дмитрия», стал ростовским митрополитом.

Крушение первого самозванца и появление Лжедмитрия II («тушинского вора») заставили Филарета поволноваться. Однажды в Ростов, где он тогда находился, ворвались поляки Сапеги и казаки (11 октября 1608 года). Ростовцы упорно отбивали штурмы тушинцев. Но последние в конце концов захватили город. Филарет с толпами простого народа закрылся в соборной церкви. Враги добрались и туда; сломав двери, вошли в храм. Митрополит пытался, выйдя к ним с хлебом и солью, увещевать их. Но бесполезно – захватчики презрели его моления, убили многих людей, надругались над святынями и самим владыкой. Печально было и то, что в бесчинствах активно участвовали переяславцы (из Переяславля-Залесского, давней родовой вотчины Александра Невского, его отца и деда, тогдашнего центра княжества) – давние враги, недоброжелатели ростовцев.

Захваченного в плен митрополита «с бесчестием» повезли в Тушино под Москвой, в лагерь второго самозванца. Перед тем переяславцы сорвали с него архиерейское облачение, надели какую-то сермягу, на голову – татарскую шапку. На воз вместе с ним посадили женщину. В Тушине после только что пережитых потрясений, позора и унижений Филарета ждали почести, правда весьма сомнительного свойства. Лжедмитрий II объявил ростовского митрополита, своего «родственника» (ведь мнимый «царевич Дмитрий» – родной брат царя Федора Ивановича, двоюродного брата Федора – Филарета Романовича), патриархом Московским и всея Руси. Тот не мог, конечно, отказаться; рассылал грамоты по уездам, захваченным тушинцами. Одна из них начинается словами: «Благословение великого господина преосвященного Филарета, митрополита ростовского и ярославского, нареченного (самозванцем! – В.Б.) патриарха Московского и всея Руси».

Филарет подчинился обстоятельствам, как и при первом самозванце. Как тогда он, исполняя, несомненно, поручение Лжедмитрия I, ездил за мощами царевича Дмитрия в Углич, так и теперь, по повелению Лжедмитрия II, играл роль патриарха. Вел себя осторожно; «был, по словам А. Палицына, келаря Троице-Сергиева монастыря, разумен, не склонялся ни направо, ни налево». Богослужения проводил, называя при этом «тушинского вора» Дмитрием-царем.

Деликатность ситуации для него, помимо прочего, – в том, что в Москве патриарший престол занимал Гермоген, бесстрашно разоблачавший бесчинства интервентов, патриот России. Этот «настоящий» святитель Русской Православной Церкви в своих грамотах, рассылавшихся к народу, ругал изменников; но не делал этого по отношению к Филарету – он, мол, находится в Тушине не по своей воле, а по принуждению. Гермоген не осуждает его, а молит за него Бога («а которые взяты в плен, как Филарет митрополит и прочие, не своею волею, а силою, и на христианский закон не стоят, крови православных братьев своих не проливают; таких мы не порицаем, но молим о них Бога»; февраль 1609 года). Такое отношение московского патриарха и царя В.И. Шуйского не давало как будто оснований считать Филарета «тушинским перелетом», каких тогда нашлось немало.

В следующем году тушинский лагерь распался, «вор» бежал в Калугу, где вскоре был убит. Началась открытая интервенция Речи Посполитой в Россию (осада войском короля Сигизмунда III Смоленска и др.). Польско-литовские верхи мечтали о захвате русских земель, церковной унии России и Польши, по сути дела, о полном подчинении государства Российского, которому грозила потеря национального суверенитета.

Разгром русского войска под Клушином, к западу от Москвы, С. Жолкевским, сведение с престола царя Шуйского привели к установлению в Москве режима «семибоярщины» (правительства из семи вельмож во главе с кн. Ф.И. Мстиславским). В стране по-прежнему царили беспорядок, анархия. Существовали как бы два политических центра: один в Москве («седмочисленные бояре»); другой – при втором самозванце (пока он оставался живым). Интервенты захватили многие города и уезды в центре и на севере государства. С запада к столице приближалось войско Жолкевского. Ситуация становилась критической.

В этих условиях польский король и его советники предложили выход – провозгласить русским царем Владислава, сына Сигизмундова. Начались переговоры королевских комиссаров с московскими и тушинскими боярами. Бояре и патриарх Гермоген согласились с кандидатурой польского королевича, но с условием – он должен перейти из католичества в православие. Выполнение этого требования было попросту нереальным; тем не менее в Москве целовали крест новому царю Владиславу. Разослали грамоты по стране – с требованием на местах делать то же самое. Так московские политики надеялись на замирение Московского царства, успокоение земли, народа. Многие были недовольны,

особенно простой народ. Но дело сделано, в Москву вошло войско Жолкевского (в ночь на 21 сентября 1610 года).

Филарет весьма активно участвовал в переговорах. Для утверждения условий договора (неприкосновенность православия в России, переход Владислава в веру «по греческому закону») к польскому королю отправилось большое посольство. Возглавили его Филарет и боярин В.В. Голицын. Тридцать первого января они явились перед королевские очи. В следующем месяце начались обсуждения. Договорились об условиях – неприкосновенность «веры греческого закона», венчание Владислава на царство в Москве русским патриархом, по старому обычаю; не трогать имущества и права духовных лиц, бояр, дворян, приказных людей; выдавать, как и прежде, жалованье всем, кому положено; судить «по старине», пересмотр законов – прерогатива бояр московских и всей земли. Далее: заключить между двумя странами оборонительный и наступательный союз против возможных недругов; сообща держать войска на окраинах против татар; никого не казнить до суда бояр и прочих думных людей. Всем людям московским вольно ехать в зарубежные христианские (не в «басурманские», «поганские»!) страны, очевидно для обучения и торговли. Возвратить русских пленников из Польши. Правительственные должности польским и литовским панам не занимать; давать им деньги и земли в поместья и вотчины. Подати собирать «по старине», новые вводить только с согласия думных людей. Объявить вольную торговлю между обеими странами. Крестьянские переходы от одного владельца к другому запретить. Холопам вольности не давать, пусть служат господам по-прежнему. Пункт о казаках (донских, терских, волжских, яицких) король обсудит в будущем: будут ли они, казаки, «надобны» или нет?

Обращает на себя внимание то, что русские послы имеют дело с королем Сигизмундом. Более того, они обещали повиноваться ему до прибытия королевича Владислава, приглашенного на русский престол; о дополнительных статьях к договору будут иметь суждение опять же с королем, когда, «даст Бог, его королевская милость будет под Москвою и на Москве». Послы дали присягу Сигизмунду:

– Пока Бог даст нам государя Владислава на Московское государство, буду служить и прямить и добра хотеть его государеву отцу, нынешнему наияснейшему королю польскому и великому князю литовскому Жигимонту Ивановичу.

Король и его вельможи, несомненно, были довольны таким блестящим успехом в переговорах с тушинскими послами, Филаретом в том числе. Хотя замыслы Сигизмунда, как говорится, шиты белыми нитками: прикрываясь именем сына, овладеть православной Россией, присоединить ее к католической Польше.

Король тянул время, уклонялся от окончательных переговоров; даже не прислал ни одной грамоты Филарету и другим послам. Тех оскорбило такое пренебрежительное к ним отношение.

Между тем дела у поляков-интервентов под Москвой (Сигизмунд к ней не шел, оставался под Смоленском) складывались неважно. Филарет, находившийся в Иосифо-Волоколамском монастыре, смог перебраться в Москву.

В столице народ и патриарх Гермоген уже не хотели признавать Владислава русским царем. Но подходило польское войско гетмана Жолкевского. Многие бояре, страшась самозванца с его казаками, среди которых было немало русских простолюдинов, стояли за Владислава:

– Лучше служить королевичу, чем быть побитым от своих холопей и в вечной работе у них мучиться.

Гермоген же призывал избрать православного русского царя:

_ Помните, православные христиане, что Карл в великом Риме сделал!

Народ снова заколебался в той тяжелой обстановке. По словам современника, «все люди посмеялись, заткнули уши чувственные и разумные и разошлись».

Филарет прозрел, понял замыслы польского правителя.

– Не прельщайтесь, – говорил он москвичам с Лобного места на московской Красной площади. – Мне самому подлинно известно королевское злое умышление над Московским государством: хочет он им с сыном завладеть и нашу истинную христианскую веру разорить, а свою латинскую утвердить.

Но и его голос не был услышан. Двадцать четвертого июля Жолкевский подошел к Москве, поставил войско на Хорошевских лугах. С другой стороны городу угрожал «тушинский царик». Московское правительство из «седмочисленных бояр», среди которых был и младший брат Филарета Иван Никитич, не контролировало ситуацию в стране, авторитета не имело. Оно сделало ставку на Владислава и польское войско. С последним соединилось

у Коломенской заставы русское, и обе армии пошли против самозванца. Тот предпочел убежать в Калугу с Мариной Мнишек и И. Заруцким, переметнувшись на ее сторону.

Жолкевский убеждал московских бояр послать посольство к королю. Одна из его, гетмана, целей – убрать из Москвы тех, кто мог претендовать на престол. Посему уговорил, с помощью неприкрытой лести, видного и знатного боярина В.В. Голицына, из Гедиминовичей, возглавить посольство. Стольника Михаила Федоровича Романова, имя которого как возможного претендента на русский престол называлось после свержения Шуйского, не включили в число послов по младости лет. Но его отца, умного и энергичного Филарета, Жолкевский настоял сделать одним из руководителей миссии; он стал представителем от духовенства. Вместе с Голицыным он, по мнению гетмана, отвечал важным требованиям: оба – знаменитые мужи, авторитетные в своей стране; к их голосу – де прислушаются все будущие подданные царя Владислава.

Посольство к Сигизмунду отправили большое – 1246 человек, вплоть до выборных разных чинов людей. Дали послам наказ – речь шла снова о сохранении православной веры, крещении в нее Владислава, его женитьбе на девице «греческого закона» и т. д.

Вместе с послами Жолкевский отправил к королю бывшего царя В.И. Шуйского с братьями (свергнутый мог представлять опасность: патриарх Гермоген, например, не признавал законность его насильственного пострижения в монахи).

Седьмого октября послы приехали к Смоленску. Дня через три их представили королю. Сигизмунд и его советники тянули время. А между тем жолнеры продолжали осаду Смоленска: по окрестным уездам шныряли польские отряды. Послов кормили скудно; вскоре выяснилось, что на московский престол претендует, ссылаясь на молодость сына (пятнадцать лет), сам король. Его тайное и жгучее желание – взять к Польше Смоленскую и Северскую земли.

На первой встрече послов с панами радными последние заявили: отступить от Смоленска и увести войско из России король не может; его стремление – «успокоить» ее, истребить самозванца, освободить русские города и лишь после этого – послать королевича в Москву на престол. Послы резонно отвечали, что их государству будет лучше, если из него выведут польские войска, снимут осаду Смоленска; да и «вор» без них ничего сделать не сможет: большая часть его войска из тех же поляков. Поход же Сигизмундова войска в Россию еще больше ее разорит. Обо всем этом ранее договорились с Жолкевским. Послы подчеркивали это:

– Честь государская состоит в ненарушении данного слова. А король не раз объявлял, что предпринял поход не для овладения городами.

Польские представители упорно настаивали на сдаче их королю Смоленска, «вековечной своей отчины» (!!). Говорили: «Нам до гетманской (С. Жолкевского. – В.Б.) записи дела нет!» Требовали оплатить из московской казны расходы короля и его войска; услышали в ответ: за что, мол? За разорение Московского государства?

Филарет во время одной из встреч спросил Льва Сапегу о крещении Владислава при посажении на русский престол. Услышал ответ весьма уклончивый:

– Об этом, преосвященный отец, поговорим в другой раз, как время будет. Я к тебе нарочно приеду поговорить. А теперь одно скажу, что королевич крещен, и другого крещенья нигде не писано.

Пан Сапега таким образом дал понять ростовскому митрополиту, что говорить о переходе Владислава в православие не стоит. Доводы русских послов в том духе, что «никак не может статься, что государю быть одной веры, а подданным другой», поляков не убеждали. Делу не помогло и подключение к переговорам гетмана С. Жолкевского, на обещания и договор с которым постоянно ссылались Филарет и его коллеги по посольству. Тот утверждал, что король соблюдает условия договора, заключенного боярами с ним, Жолкевским. О том же, чтобы король снял осаду со Смоленска, он, гетман, им – де, боярам, не говорил, а советовал лишь, чтобы они просили короля. О «записи», которую он подписал с Елецким и Валуевым при Царевом Займище (в ней и шла речь о тех условиях, на которые теперь ссылались русские послы), гетман сказал: «Писали ее русские люди», а он, мол, подписал ее «не гляючи». «И потому лучше эту запись оставить, а говорить об одной московской (договоре, заключенном Жолкевским с «седмочисленными боярами». – В.Б.), которую и его величество утверждает».

Польская сторона отказывалась от данных ранее обещаний, шла на откровенный обман. Русские послы, естественно, упорствовали, не уступали. Споры, порой очень острые, продолжались. Русские представители уговаривали Жолкевского, чтобы король к Смоленску не приступал. Тот обещал переговорить со своим повелителем. Гетману дали знать, что Филарет очень недоволен: свергнутого царя Василия Шуйского насильно привезли в польский лагерь под Смоленск и представили его, причем в светском платье, Сигизмунду.

Жолкевский оправдывался перед Филаретом: привез – де он Шуйского по просьбе московских бояр, чтобы предотвратить в будущем народное смятение; в Иосифо-Волоколамской обители свергнутый царь умирал от голода; светское же платье надели на

него потому, что в монахи его постригли насильно; он сам не хочет быть монахом – насильный постриг противен «и вашим, и нашим церковным уставам; это говорит и патриарх». Ростовский митрополит упрекал гетмана:

– Правда, бояре желали отослать князя Василия за польскою и московскою стражею в дальние крепкие монастыри, чтоб не было смуты в народе. Но ты настоял, чтоб его отослать в Иосифов монастырь. Его и братьев его отвозить в Польшу не следовало, потому что ты дал слово из Иосифова монастыря его не брать. Да и в записи утверждено, чтоб в Польшу и Литву ни одного русского человека не вывозить, не ссылать. Ты на том крест целовал и крестное целование нарушил; надобно бояться Бога. А расторгать мужа с женою непригоже. А что в Иосифове монастыре его не кормили, в том виноваты ваши приставы; бояре отдали его на ваши руки.

Поляки требовали сдачи Смоленска. Послы слышать об этом не хотели: Филарет укреплял их стойкость.

– Того никакими мерами учинить нельзя, чтоб в Смоленск королевских людей впустить. Если раз и немногие королевские люди в Смоленске будут, то нам Смоленска не видать. А если король и возьмет Смоленск приступом мимо крестного целованья, то положиться на судьбы Божий, только бы нам своею слабостью не отдать города.

С этим согласились все члены посольства, а также бывшие при нем смоленские дворяне и дети боярские:

– Хотя в Смоленске наши матери, и жены, и дети погибнут, только бы на том крепко стоять, чтоб польских и литовских людей в Смоленск не пустить.

В ноябре и декабре польские штурмы, отбивавшиеся осажденными смолянами, перемежались переговорами. Поляки пытались отколоть от несговорчивых, непреклонных послов некоторых их не столь стойких коллег. Кое-кто, позарившись на поместья и другие пожалования от короля, собрался домой. Других пытались уговорить: убедите, мол, смолян сдать город королю. Томила Луговской, думный дьяк, в ответ на убеждения канцлера Льва Сапеги наотрез отказался:

– Как мне это сделать и вечную клятву на себя навести? Не только Господь Бог и люди Московского государства мне за это не потерпят, и земля меня не понесет.

Несмотря на уговоры Филарета и Голицына, сорок три человека покинули польский стан и отправились в Москву. Но подавляющее большинство осталось с Филаретом.

В феврале 1611 года послы получили грамоту от московских бояр – те приказывали сдать Смоленск и присягать королю и его сыну. Но и тут Филарет не согласился:

– Эта грамота написана без патриаршего согласия. Хотя бы мне смерть принять, я без патриаршей грамоты о крестном целовании на королевское имя никакими мерами ничего не буду делать.

Между тем П. Ляпунов привел под Москву Первое ополчение. Сапега обвинил послов в том, что это они поджигают народ к мятежу. Объявил им, что их отправят в Речь Посполитую. Послов взяли под арест. Вскоре им сообщили о сожжении Москвы, осажденной ополченцами. Снова Филарет стоял на своем:

– Мы сами не знаем, что мы такое и что нам теперь делать. Нас отправила вся Русская земля и во-первых патриарх. Теперь патриарх, наш начальный человек, под стражею. А Московского государства люди пришли под Москву и бьются с королевскими людьми. Одно средство – отойдите от Смоленска и утвердите договор, с которым мы приехали; тогда мы напишем подмосковному войску, чтоб оно разошлось.

Сапега 12 апреля потребовал от Филарета написать ляпуновскому ополчению, чтобы оно ушло из-под Москвы, и М.Б. Шеину в Смоленск о сдаче города.

– Я все согласен перетерпеть, – услышал в ответ канцлер, – а этого не сделаю, пока не утвердите всего, что вам подано в договоре.

– Ну, так вы завтра поедете в Польшу.

Так и произошло. На следующий день послов ограбили и повезли водою в Польшу. Их слуг перебили. По прибытии в чужую страну Филарета поместил в своем доме тот же Лев Сапега. Началось довольно долгое пребывание митрополита в плену.

Полякам не удалось покорить Филарета и других русских послов. Но обстановка в России, в Москве в частности, складывалась серьезная, весьма опасная. В столице хозяйничали

поляки во главе с А. Гонсевским и его подпевалы из русских – боярина М.Г. Салтыкова и «торгового мужика» Ф. Андропова.

В ночь на 3 июня 1611 года королевское войско штурмом взяло сильно ослабленный, истрадавшийся от голода, цинги Смоленск.

В России развернулось широкое народное движение против интервентов. После неудачи Первого ополчения Второе ополчение К. Минина – Д.М. Пожарского освободило Москву (конец октября 1612 года). Все это время Филарет томился в плену. А в столице России происходили важные, в том числе и для него лично, события.

После почти полутора десятилетий внутренних раздоров и бесчинств иноземцев россияне, объединив усилия, изгнав интервентов из Москвы, ничего большего не желали, как успокоения земли. Для этого нужно было избрать царя. Пожарский и Трубецкой, вожди ополчения, разослали по всей стране грамоты-призывы; прислать в Москву представителей от властей и выборных людей от всех чинов на собор – для общего совета о судьбе государства и избрания царя. В начале 1613 года депутаты съехались в столицу на «первый, – по словам В.О. Ключевского, – бесспорно, всесловный Земский собор с участием посадских и даже сельских обывателей». Перед тем как приступить к важному делу, по стране объявили трехдневный пост – необходимо было всем людям, по замыслам строителей, очиститься от грехов, накопившихся в годы Смуты.

По миновании поста принялись, благословясь, за дело – обсуждение вопроса о кандидатуре на царский престол. Первое заседание собора состоялось 7 января 1613 года. Сразу же постановили: ни польского, ни шведского королевичей (о втором из них шла речь во времена Второго ополчения) иных, немецких, неправославных вер, а также «Маринкина сына» (сына Марины Мнишек и второго самозванца) не выбирать. Нужен свой, природный русский государь.

На том же первом заседании назвали имя Михаила Романова, сына Филарета. Оно упоминалось в этой связи еще в 1611 году, после низложения царя Шуйского. Михаилу было тогда всего четырнадцать лет. Но его кандидатура, как и боярина князя В.В. Голицына (кое-кто из знати хотел видеть на престоле именно его), не прошла. «Семибоярское» правительство учитывало тяжелую ситуацию – в Можайске стоял С. Жолкевский с войском, в селе Коломенском, недалеко от столицы, – отряды второго самозванца. Оно предпочло тогда кандидатуру королевича Владислава. Теперь же, к началу 1613 года, ситуация существенно изменилась.

После освобождения Москвы из польского плена выпустили брата Филарета Ивана Никитича Романова, сына Михаила Федоровича и жену старицу Марфу Ивановну. Последние двое уехали в Кострому, поближе к родовому владению Шестовой (девичья фамилия матери М.Ф. Романова).

В Москве, на соборе, в это время накалялись страсти. Образовались группы депутатов, своего рода фракции, и каждая из них предлагала своего кандидата в цари. Раздоры, взаимные обвинения, угрозы, подкуп депутатов и прочие ухищрения сопровождали борьбу за «превысочайший престол».

Седьмого января бояре отклонили кандидатуру М.Ф. Романова, предложенную казаками, и высказались в пользу Карла Филиппа, шведского королевича. Оказывается, казаки, помимо молодого Романова, имели в виду еще двух кандидатов – князей Д.Т. Трубецкого и Д.М. Черкасского. Но голосовались кандидатуры В.В. Голицына, И.М. Воротынского. «Повесть о Земском соборе 1613 года» приводит в связи с этим также имена бояр Ф.И. Мстиславского, главы «семибоярщины», Ф.И. Шереметева, И.Н. Романова, И.Б. Черкасского. Наконец, всплывали и имена князя Д.М. Пожарского, одного из руководителей Второго ополчения, князя П.И. Пронского.

Некоторые из кандидатов, по сообщениям источников, вели в свою пользу агитацию (в том числе Романовы), тратили немалые деньги на угощения. Например, Пожарский – до двадцати тысяч рублей, по утверждению дворянина Л. Сумина, прозвучавшему, правда, двенадцать лет спустя, да еще в пылу ссоры с князем В. Ромодановским Большим. Д.Т. Трубецкой целых полтора месяца устраивал пиры для казаков, которых в ту пору собралось в Москве немало, десять тысяч человек.

Самым подходящим по знатности (потомок Гедиминаса, великого князя литовского!), уму, способностям считался князь Василий Васильевич Голицын. Но его, как и Филарета, держали в плену предусмотрительные поляки. Остальные кандидаты – люди способностей отнюдь не выдающихся. «Московское государство, – пишет Ключевский, – выходило из страшной Смуты без героев; его выводили из беды добрые, но посредственные люди. Князь Пожарский был не Борис Годунов, а Михаил Романов – не князь Скопин-Шуйский. При недостатке настоящих сил дело решалось предрассудком и интригой».

После всех споров, волнений и несогласий победила кандидатура шестнадцатилетнего Романова. Однажды, по рассказу одного хронографа, какой-то галичский дворянин подал на соборе письменное мнение о Романове: он – де ближе всех по родству с прежними царями. Среди делегатов говорили и о том, что будто бы сын Грозного, умирая, завещал престол Федору Никитичу Романову, отцу Михаила, теперь монаху и польскому пленнику; что

патриарх называл Михаила как возможного преемника царя Шуйского менее двух лет тому назад.

Из среды депутатов раздались возгласы:

– Кто принес такую грамоту? Кто? Откуда?

К столу, за которым сидел Пожарский, подошел донской атаман. Тоже протянул письменное мнение. Князь Дмитрий Михайлович спросил его:

– Что это ты подал, атаман?

– О природном царе Михаиле Федоровиче.

Нужно сказать, что подобные «писания» в пользу Михаила еще накануне подавали группы дворян, богатых купцов, казаков, жителей Северной земли. В литературе распространено мнение, что решение собора в пользу Романова предопределила позиция казаков. Конечно, она сыграла свою роль.

«Повесть о Земском соборе 1613 года», составленная, вероятно, по свежим следам событий, сообщает данные, свидетельствующие в пользу мнения о большой, если не решающей роли казаков в царском избрании. Она, между прочим, описывает «столы честныя и пиры многия на казаков», которые давал Трубецкой, мечтавший, как и некоторые другие вельможи, о царской короне. Но те, кого он с надеждой угощал, всерьез на него как на возможного кандидата не смотрели: «казаки же, честь от него принимающе, ядяще, и пьюще, и хваляще его лестию, а прочь от него отходяще в свои полки браняще его и смеющесе его безумию такову».

Бояре тянули время на соборе, стремясь решить вопрос о царе «втай» от казаков и дожидаясь их выезда из Москвы. Но те не только не уезжали, но вели себя активней. Однажды, посоветовавшись «всем казацким воинством», они послали до пятисот человек к Крутицкому митрополиту. Насильно, выломав ворота, ворвались к нему во двор и «грубными словесы» потребовали:

– Дай нам, митрополит, царя государя на Росию, кому нам поклониться и служитьи и у ково жалованья просити, до чево нам гладною смертию измирати!

Испуганный митрополит, «бежа через хоромы тайными пути к бояром», сообщил им:

– Казаки хотят мя жива разторгнути, а прошают на Росию царя.

Бояре и дворяне спешно созвали депутатов на собор. Пригласили казаков, и их атаманы повторили казацкое требование о скорейшем избрании царя. Бояре пытались лавировать:

– Царские роды минушася, но на Бога упование возложим и по вашей мысли, атаманы, и все войско казачье, кому быти подобает царем: но толико из вельмож боярских.

Далее следует перечень названных выше восьми бояр.

– Толико ли, – спрашивали казаки, – ис тех вельмож по вашему умышлению избран будет?

– Да, ис тех изберем и жеребьем, да кому Бог подаст.

– Князи и боляра и все московские вельможи! – возражал на соборе казачий атаман. – Не по Божий воли, но по самовластию и по своей воли вы избираете самодержавного. Но по Божий воли и по благословению благовернаго, и благочестиваго, и христолюбиваго царя государя и великого князя Федора Ивановича всея Руси при блаженной его памяти, кому он, государь, благослови посох свой царской и державствовать на Росии князю Федору Никитичу Романову. И тот ныне в Литве полонен. И от благообраго корене и отрасль добрая и честь – сын его князь Михайло Федорович. Да подобает по Божий воли на царствующем граде Москве и всея Руси да будет царь государь и великий князь Михайло Федорович всея Руси.

Бояре, по словам автора повести, «все страхом одержими и трепетни трясущеся, и лица их кровию пременяющеся». Все молчали, только И.Н. Романов возразил:

– Тот князь Михайло Федорович еще млад и не в полнеем разуме. Кому державствовати?

– Но ты, Иван Никитич, – услышал ответ он, – стар, в полне разуме, а ему, государю, ты по плоти дядюшка прирожденный; и ты ему крепкий потпор будеши.

Настойчивость казаков возымела действие. Но дело не только в ней. Кандидатура Михаила в конце концов устроила большинство депутатов собора. Действительно, сыграли свою роль родство с династией Рюриковичей-Калитовичей, хотя бы и по женской линии; имя отца Филарета, митрополита, по решению первого самозванца, патриарха – по воле второго (а среди депутатов, тех же бояр, дворян, казаков, немало было «перелетов», сторонников обоих «воров»). В Михаиле многие, прежде всего представители низов, увидели «доброего» царя, имея в виду нрав, сходный с тем, которым судьба наделила его двоюродного дядю, царя Федора Ивановича.

Окончательный приговор о царе состоялся 21 февраля, ровно полтора месяца спустя после первого заседания собора. До избрания по стране ездили посланные собором представители, выясняя по городам и уездам мнение народа о намеченном кандидате. К назначенному дню приехали в Москву и они, и отставшие выборные депутаты собора, в том числе князь Ф.И. Мстиславский и иные бояре, из членов «семибоярщины», приверженцев поляков и самозванцев. Народ, по сообщениям представителей, с радостью приветствует кандидатуру Романова.

Итак, в первое воскресенье Великого поста, 21 февраля, Земский собор провел последнее заседание. Представители всех чинов подали письменные мнения. Сошлись в едином: царем быть Михаилу Федоровичу Романову. После этого от собора на Лобное место Красной площади, заполненной от края до края народом, вышли Феодорит, рязанский архиепископ (патриарший престол пустовал – бесстрашного Гермогена поляки уморили голодом в тюрьме), келарь Авраамий Палицын, Новоспасский архимандрит Иосиф и боярин Василий Петрович Морозов. Спросили:

– Кого вы хотите в цари?

– Михаила Федоровича Романова!

Вопрос был решен – царем провозгласили молодого Романова, в котором все «видели, – по словам Ключевского, – не соборного избранника, а племянника царя Федора, природного, наследственного царя». Как говорит один хронограф, Михаила избрали «сродственного его ради союза царских искр». А. Палицын считает нового царя «избранным от Бога прежде его рождения». Другой его современник, И. Тимофеев, ставит Михаила в один ряд с другими

наследственными царями – Федором Ивановичем и его предшественниками, игнорируя при этом Годунова, Шуйского, не говоря уже о самозванцах.

Ф.И. Шереметев, родственник Романовых, один из кандидатов в цари на соборе 1613 года, писал в связи с избранием Михаила князю Б.В. Голицыну в Польшу: «Миша Романов молод, разумом не дошел и нам будет поваден». Боярин говорил то, что и царский дядя Иван Никитич Романов, – о молодости и разуме Михаила. Бояре, как видно, надеялись, что при таком царе всеми делами в государстве будут заправлять они, как это было, хотя и в другой обстановке, при царе Федоре Ивановиче. Они «хотели выбрать не способнейшего, а удобнейшего» (В.О. Ключевский).

Во всяком случае, с избранием царя установится, как полагали россияне, прежний наряд, то есть управление государством, как было заведено при прежних властителях России. Сохранилось известие о том, что царь Романов, как и Шуйский в свое время, дал боярам крестоцеловальную запись: «Не осудя истинным судом с боярами своими, никого смерти не предать и вместе с преступником не наказывать его родственников». Согласно другому свидетельству, царь Михаил дал обещание наказывать вельмож не смертью, а заточением. Трудно сказать, соответствуют ли истине оба эти сообщения. С одной стороны, как будто нет: казнь боярина Шеина, отца и сына Измайловых, после капитуляции их войска под Смоленском в 1634 году противоречит им. Но с другой стороны – лет двенадцать спустя после избрания царь Михаил Федорович сообщал воеводам: «По нашему указу сделана наша печать новая, больше прежней, для того, что на прежней печати наше государское титуло описано было несполна. А ныне прибавлено на печати в подписи: самодержец (стало быть, раньше этого слова, очень важного в титулатуре российского государя, не было. – В.Б.). А что у прежней нашей печати были промеж глав Орловых слова (какие неизвестно. – В.Б.), и ныне у новой печати слов нет, а над главами у орла корона». Может быть, такая запись, ограничивающая власть новоизбранного царя, поначалу имелась? И только позднее от нее монарх избавился?

...Въезд в Москву царя с матушкой состоялся 2 мая. Москвичи, от мала до велика, встречали их за городом. Затем был совершен молебен в Успенском соборе Московского Кремля. Все присутствующие подходили к царской ручке, целовали ее, поздравляли юношу монарха с великим торжеством. Два месяца с лишним спустя (11 июля) Михаил Федорович венчался на царство в том же соборе. А перед тем в Золотой подписной палате пожаловал в бояре стольника князя И.Б. Черкасского, своего родственника, и стольника же князя Д.М. Пожарского, освободителя Москвы, одного из кандидатов на престол во время недавней выборной кампании на Земском соборе.

Венчал его царским венцом казанский митрополит Ефрем. На следующий день, на память святого Михаила Малеина, в день своих именин, царь Михаил пожаловал Кузьму Минина, еще одного из освободителей Отечества, из нижегородских «говядарей» (торговцев мясом), чином думного дворянина – третьим в тогдашней иерархии (после боярина и окольного).

Мягкость и доброта нового царя, отмечаемая источниками того времени, подавали простым людям надежду, производили на них хорошее впечатление. Тяготы и лишения, долго еще продолжавшиеся после «великого литовского разорения», они связывали отнюдь не с его именем. Всю вину перекладывали на его окружение, «недобрых» бояр-советников. В избрании царя Михаила присутствует один момент, очень важный для Смутной эпохи, – его легитимность, в отличие от воцарения, провозглашения самозванцев или даже В.И. Шуйского, знатного боярина, князя, Рюриковича. В избрании этом присутствует воля «земли», народа, познавшего в ту лихую годину не только горечь национального унижения и разорения, но и свою силу: люди убедились, что царство могло, хотя бы на некоторое время, стоять без монарха, но без народа не могли удержаться ни царство, ни монарх.

Правда, все знали, что без бояр, их совета царь Михаил шагу не может сделать. Та же псковская повесть негодует по этому поводу. То, что он дал боярам запись или устную присягу, ограничивавшую его власть, подтверждают Г. Котошихин, бежавший из России в Швецию, В.Н. Татищев, историк XVIII века, писавший по источникам, многие из которых не дошли до нашего времени. Действительно, царь Михаил перепоручил все дела Романовым, Черкасским, Салтыковым, Шереметевым, Лыковым, Репниным. Они распоряжались всем, даже «гнушались» царем, а тот смотрел на все их хитрости, проделки, несправедные дела сквозь пальцы. В придворных интригах весьма была искушена своенравная инокиня Марфа, которую сын-монарх слушался беспрекословно.

При дворе царили лживость, лихоимство, корыстолюбие. Некомпетентность новых руководителей большого государства, разоренного Смутой до крайности, была вопиющей. «Царь их, – по замечанию одного современника – голландца, – подобен солнцу, которого часть покрыта облаками, так что земля Московская не может получить ни теплоты, ни света... Все приближенные царя – несведущие юноши; ловкие деловые и приказные – алчные волки, все без различия грабят и разоряют народ. Никто не доводит правды до царя: к царю нет доступа без больших издержек...»

Широко распространились местнические споры, причем не только между знатными, «породными» людьми, которые были известны служебными заслугами, своими и предков, но и между всякой мелкотой. Их урезонивали, наказывали. Но все равно находились местники, которые готовы были голову на плаху положить, лишь бы не быть «ниже» соперника по службе.

Раньше думные люди, первые вельможи государства, знали себе цену. «Бывали на нас опалы, – заявил однажды польским комиссарам высокопородный князь Воротынский, – и при прежних царях, но правительства у нас не отнимали». А князь В.В. Голицын вторит ему:

– Нас из Думы не высылывали, мы всякую Думу ведали.

Именно об этом Голицыне знаменитый князь Пожарский, из захудавшего рода, с большим почтением говорил:

– Если бы теперь [был] такой столп, как князь Василий Васильевич, то за него бы вся земля держалась; и я бы при нем за такое великое дело не принялся.

При Михаиле царе в Думе оказались бояре и прочие «тушинские выскочки», нередко из мелкопородных людей, вплоть до выходцев «из черни». Косо смотрели старые знатные на Пожарского и тем более на «говядаря» Минина, ставших первый – боярином, второй – думным дворянином.

Вся эта публика, толпившаяся вокруг трона, не чувствовала твердой руки правителя. Отсюда – и злоупотребления, и неприглядные сцены при дворе: то двое вельмож таскают друг друга за бороды в присутствии царя, то дядя монарший Иван Никитич охаживает палкой провинившегося местника.

Нежелание служить «ниже» соперника – частая причина наказаний, унижительных для местников процедур. Однажды подвергся ей и Д.М. Пожарский. Царь Михаил приказал ему «сказать» боярский чин Б.М. Салтыкову. Князь бил челом царю, что он не может это делать – быть тем самым «ниже» Салтыкова. Дело, разбиравшееся в присутствии государя, показало: некогда князь Ромодановский, сродник Пожарского, служил ниже боярина Михаила Глебовича Салтыкова, был у него «товарищем»; а этот Михаил Глебович в своем роду «меньше» Бориса Михайловича Салтыкова, на которого бьет челом Пожарский. Далее, Пушкины равны по местнической чести Пожарскому, но гораздо «ниже» на местнической лестнице Михаила Глебовича Салтыкова. Когда эти служебные «случаи» читались, князь Дмитрий Михайлович молчал, не возражал – сказать в ответ ничего не мог, так как они соответствовали истине, были записаны в разрядах или иных документах, из которых дьяки их и взяли. Царь потребовал, чтобы Пожарский «сказывал» боярство Салтыкову, меньше которого ему быть можно. Но князь отказался, покинул Кремль и, приехав к себе на двор, прикинулся больным.

Салтыкову чин сказал думный дьяк; в разрядах записали, что делал это Пожарский. Но Салтыков в ответ сам бил челом на князя «в бесчестье». Дело закончилось для Пожарского плохо – его «выдали головою» Борису Михайловичу. Делалось это с соблюдением обычных, неприятных для проигравшего местническое дело правил. Дьяк по приказу царя вел повинного пешком на двор соперника; одна эта процедура выглядела в глазах современников унижением. Приведя, ставил его на нижнее крыльцо и говорил

победившему сопернику (тот стоял на крыльце выше), что ему выдают головой такого-то, в данном случае – Пожарского Салтыкову. Второй из них благодарил за царскую милость, дарил чем-нибудь дьяка. Затем отпускал провинившегося домой, но запрещал ему садиться на лошадь на своем дворе. Довольно часто потерпевший ругался на чем свет стоит; но победитель на это – ноль внимания.

В особо тяжких случаях царь приказывал бить потерпевшего поражение служилого человека батогами или посадить в тюрьму.

В год своего избрания, на праздник Рождества Богородицы, Михаил Федорович пригласил к своему царскому столу трех бояр – Ф.И. Мстиславского, И.Н. Романова, кн. Б.И. Лыкова-Оболенского. Третий из них не хотел сидеть за столом ниже Романова, царского дяди, бил в том челом: быть ему меньше Ивана Никитича «невместно». Царь на Лыкова «кручинился», много раз говорил ему, чтобы он у стола был, сидел «под» его дядею. Князь уступил. Но в следующем году, на Вербное Воскресение, повторился тот же «стол» с теми же тремя боярами. На этот раз Лыков наотрез отказался сидеть ниже Романова. Не помогли ни уговоры царя, ни напоминание о прошлогоднем «случае», когда он сидел ниже дяди царя за столом. Лыков уехал домой; посланцам, которые дважды от имени царя требовали его приезда в Кремль, он отвечал:

– Готов ехать к казни, а меньше Ивана Никитича мне не бывать.

До казни дело не дошло, но Лыкова царь приказал выдать головою своему дяде.

Такие дела Михаилу Федоровичу приходилось слушать, участвовать в их разборе довольно часто. Но его одолевали заботы и более неотложные, чрезвычайные. Нужно было налаживать жизнь в разоренной стране; для этого потребны прежде всего средства и силы. Способна ли их дать Россия, только начавшая выходить из Смуты?

Источники того времени сообщают о страшном запустении страны. Многие селения были сожжены, жители их или погибли, или разбежались. В избах нельзя ночевать от смрада – они были забиты неубранными трупами. Картины эти напоминают то, что происходило на Руси в памятную лихую годину «Батыева нахождения».

Многие крестьяне, оставшиеся в живых, забросили пашню или распахивали гораздо меньше, чем до Смуты. Резко возросло число бобылей; в ряде уездов их стало больше, чем крестьян. На Рязанщине (1616 год) пустошей в поместных землях дворян оказалось в двадцать два раза больше, чем пашни. Подобная же картина и по другим уездам. По словам

Палицына, в Смутное время «орание (пахота. – В.Б.) и сеятва, и жатва мятешся, мечу бо на выи (шее. – В.Б.) у всех всегда належащу» – под угрозой меча всякая работа на пашнях или прекратилась, или шла кое-как. Многие не только крестьяне и прочий «подлый люд», но и мелкопоместные дворяне (особенно к югу от реки Оки) разорились, обнищали, «валялись по кабакам».

Едва ли не по всей Европейской России бесчинствовали шайки интервентов, «своих» разбойников. Со всех сторон неслись стоны, жалобы на «воров», вымогательства воевод и приказных людей. Порча нравов охватила в смутные годы все слои общества, а слабость власти тому не препятствовала и даже способствовала. Исаак Масса, голландец, живший тогда в Москве, наблюдавший не один год то, что творилось в стране, страдавшей от безначалия, резкого ослабления государственного порядка, записал в своем сочинении: «Надеюсь, что Бог откроет глаза юному царю, как то было с прежним царем Иваном Васильевичем, ибо такой царь нужен России. Иначе она пропадет. Народ этот благоденствует только под дланью своего владыки, и только в рабстве он богат и счастлив».

Так размышлял вдумчивый голландец: России нужен, мол, строй деспотический в лице строгого, но справедливого правителя-царя. А россияне, рабы по натуре, подчиняются только сильной руке монарха, самодержца. Правда, он упускает из виду, что у русских имелись и вольнолюбивые традиции: старинное вече в Новгороде Великом и других городах; крестьянские общины, мирские сходки, казацкие круги, рады не раз выступали против своих господ-угнетателей, в том числе и в годы Смуты, даже свергали правителей. Его похвалы в адрес Ивана Грозного игнорируют тот несомненный факт, что его несправедливые действия, в том числе и массовый террор, во многом подготовили Смуту с ее разрухой, безначалием; в конечном счете – и избрание царем слабого в делах правления Михаила Федоровича, с гордостью именовавшего Ивана IV своим дедом.

Положение в стране оставалось еще долгое время таким, что можно было прийти в отчаяние. Новая власть начинает принимать меры. 24 мая 1613 года, еще до своего венчания на царство, Михаил Федорович шлет грамоту богатейшим промышленникам Строгановым. В ней ее составители ссылаются на жалобы служивых людей, от дворян до стрельцов и «до всяких ратных людей» (они кровь свою проливали, а теперь «службы своей исполнять им нечем за великою бедностью»). Далее – «в казне нашей (царской. – В.Б.) денег и хлебных запасов в житницах нет, служивым людям жалованья дать нечего». Между тем «выходцы и языки» (выходцы из польского плена и польские пленники) говорят о скором походе литовцев на Москву. «Сколько вы (Строгановы. – В.Б.) с своих вотчин в нашу казну денежных доходов платите, нам про то подлинно неведомо». Послан к ним А.И. Вельяминов взять с их вотчин денежный доход за прошлый и нынешний годы. Кроме того, просить займы денег, хлеба, рыбы, соли, сукон и прочих товаров ратным людям для «христианского покою и тишины». Все это «дать без кручины» («Дайте сколько можете»), так как заем будет записан в книги, из которых Строгановым вручат выписи. «А как в нашей казне деньги в сборе будут, то мы вам велим заплатить тотчас». А «службу вашу к нам и раденье ко всему Московскому государству учиним навеки памятными».

Строгановыми власти не ограничились. Такие же грамоты разослали по всем городам. Многие не в силах были вносить деньги, и их ставили на правеж, «вкидывали в тюрьму». Сборщики и воеводы, как и разбойники или литовцы, грабили местных жителей. Подати взимались властями с помощью воинских отрядов.

Много времени и усилий требовалось для улаживания внутренних неурядиц. Из Казани пришла весть: казанское войско во главе с Никанором Шульгиным, посланное Земским собором против казаков Заруцкого, остановилось в Арзамасе. Их начальник, уверяя Москву, что войско присягнуло Михаилу Федоровичу, на самом деле уговаривал ратников не признавать нового царя, избранного – де без совета с Казанским государством. Шульгин, мечтавший, вероятно, об отделении «Казанского государства», надеялся на помощь мятежных казаков. С тем поехал в Казань, но ее жители отказали ему: «казацкое царство» нам – де надоело, и потому мы присягнули Романову. Более того, арестовали его на подъезде к Казани, в Свияжске. Узнав об аресте Шульгина, царь удивился, приказал выяснить, в чем дело. За что Шульгин сидит «за приставами»? Ему объяснили и судьбу мятежника решили быстро – сослали его в Сибирь, где он «скончал живот свой».

Сложнее оказалось с Заруцким. Его казаки, вынужденные уйти из-под Москвы, разграбили, опустошили Михайлов. Потом перебрались в Епифань. От него, с одной стороны, сбегали сотни казаков, детей боярских, с другой – приходили к нему черкасы, то есть украинские казаки. Сам Заруцкий хотел идти на юг; Марина Мнишек, оказавшаяся, после двух самозванцев, в стане казацкого атамана, звала его в Литву. «Многие казаки» на круге «хотят обратиться к государю».

Заруцкий и его казаки продолжали грабить и разорять города и уезды к югу от Оки. От них страдали вотчины, поместья бояр и дворян. Против него выслали из Москвы войско князя И. Одоевского. Заруцкий, имевший несколько тысяч человек, отступал. У Воронежа в двухдневном сражении Одоевский разбил его «наголову, и тот «с немногими людьми» убежал в степь, к реке Медведице, притоку Дона. Так изображается дело в отписке Одоевского. Один же из летописцев говорит, что он ничего не мог сделать с Заруцким, который, побив многих воронежцев, направился к Астрахани.

Грамоты от воевод, от имени царя Михаила увещевают волжских и донских казаков, ногайцев, не помогать Заруцкому, выступить против него. Донцам послали жалованье и царское знамя. Они собрали круг. Под знамя положили осужденного на смерть казака. Присутствовал и царский посланник Апухтин (Опухтин), спросивший: что это, мол, за человек? Услышал в ответ:

– Двое пьяных казаков проговорились, что атаманы и казаки на посмех вертятся, а от Ивашки Заруцкого не избыть, быть под его рукою.

Оказывается, одного из этих пьяных болтунов уже повесили; второй теперь ждал своей участи. Хитрый посланник повел речь:

– Бы этому казаку ничего не сделали до меня. Я теперь приехал с царским жалованьем, у вас у всех теперь радость. А государь милосерд и праведен, всех нас, виноватых, пожаловал, ничьих вин не помянул. Так и вы бы теперь этого виноватого для имени царского величества пощадили. А царское величество Бог в сохраненье держит, и враги ему никакого зла сделать не могут.

И казаки, а их было тут много, в том числе с Волги и Яика, воодушевленные милостью «доброго» царя, закричали:

– Дай, Господи, государю царю здоровья на многие лета!

– Сами мы знаем, что государь милосерд и праведен. Божий избранник; никто ему зла сделать не может!

Осужденного помиловали, атаман Епиха Радилов отчитал в его лице всех казаков-мятежников:

– Пора прийти в познание: сами знаем, сколько крови пролилось в Московском государстве от нашего воровства и смутных слов, что вмещали в простых людей. Мы уже по горло ходим в крови христианской. Теперь Бог дал нам государя милостивого, и вам бы, собакам, перестать от воровства. А не перестанете, то Бог всех вас побьет, где бы вы ни были.

Несмотря на лесть посланника самого царя, уверения донского атамана, в позиции казаков московские власти уверены не были. От царя, духовенства, бояр и прочих на Дон, Волгу шлют новые грамоты, которые избобличают Заруцкого. Наконец направили две грамоты от царя и иерархов к самому главарю мятежников: если он отстанет от «воровства», то получит помилование. Переписывались и донцы с волжскими братьями. Пока шло время, с севера пробирались отряды казаков к Заруцкому. Тот планировал на весну поход вверх по Волге, к Самаре и Казани. Его хотел поддержать ногайский князь Иштерек.

Но в Астрахани, где сидели Заруцкий и Марина, зрело недовольство. Они боялись восстания местных жителей, которые надеялись на приход ратников из Москвы. Заруцкий, бесчинствуя в Астрахани, как будто выдавал себя за «царя Дмитрия»; тем самым Марина считалась царицей, ее сын – царевичем Иваном Дмитриевичем. На помощь им пришли более пятисот волжских казаков. Ссоры и раздоры усилились. Пытки и казни вызывали негодование, и астраханцы поднялись на восстание (1614 год). Двенадцатого мая Заруцкий бежал из города, к которому подошли семьсот ратников из Терского города во главе со стрелецким головой В. Хохловым. Он нагнал Заруцкого, шедшего вверх по Волге, и разбил его. Тот с Мариной и ее сыном ушел на Каспийское море. За ним послали погоню. Но он убежал на Яик.

К Астрахани приближался Одоевский. Двадцать третьего июня его стрелецкие отряды настигли беглецов, осадили их и яицких казаков. Казаки, видя бесполезность сопротивления, целовали крест царю Михаилу и 25 июня выдали Заруцкого с его «семейством». Пленников воевода отправил в Москву, и здесь Заруцкого посадили на кол, «царевича» Ивана повесили. Марина позднее умерла в тюрьме.

Замирив Дон и Волгу, власти могли быть довольными таким успехом. Но в центре страны оставалось много казаков, именуемых в правительственных документах «ворами». Их движение носило весьма сложный характер. С одной стороны, среди его участников имелись настоящие казаки, выходцы с Дона и из других областей; с другой – многие крестьяне, холопы и прочие, вступавшие в отряды недовольных и становившиеся как бы автоматически казаками. Ситуация осложнялась и тем, что немало атаманов и казаков, участвовавших в обоих ополчениях, освобождении Москвы и избрании царя Михаила, получили поместья в Замосковском крае, то есть в самом центре страны. Появление по воле правительства новых помещиков, естественно, вызвало взрыв недовольства местных крестьян, которые не хотели попасть в крепостную неволю, кабалу к новым господам. На них точили зубы и «настоящие» помещики, оставшиеся в живых после перипетий Смуты и возвращавшиеся к родным пенатам.

В 1614– 1615 годах движение казаков, состав которого отличался крайней пестротой, приняло угрожающие для властей размеры. Как тогда часто водилось, вопрос разбирали на очередном Земском соборе. Первого января 1614 года царь Михаил говорил его депутатам: пишут-де из замосковских и поморских городов, что «воры казаки» пришли в их уезды, побивают и грабят многих людей, не дают собирать подати. Наконец спрашивал:

– Так на этих воров посылки ли послать или писать к ним обращение, чтоб от воровства отстали?

В Ярославль 1 сентября 1614 года отправилась делегация из лиц духовных и светских. Оттуда они должны были призвать казаков отстать от «воровства», идти на государеву службу. Против тех, которые «государю служить не станут, станут вперед государю изменять», всех и вся грабить, разбивать, жечь, государевым людям «промышлять, потому что они пуще и грубнее литвы и немцев; и казаками этих воров не называть, чтоб прямым атаманам, которые служат (царю Михаилу. – В.Б.), бесчестья не было». Боярин Б.М. Лыков, фактически возглавлявший делегацию, должен был вести в Ярославле переговоры с атаманами и казаками, которые туда для этого приедут, поить их и кормить. Тем из казаков, которые от воровства отстанут, давать кормы, собирая их с посадов и уездов, – «как можно сытым быть». А против тех, кто от воровства не отстанут, Лыкову собирать дворян, охочих и даточных людей «над ворами промышлять всякими обычаями».

Уговоры Лыкова ничего не дали – казаки «стали воровать пуще прежнего», «воры умножились». Царь после такого сообщения боярина указал ему выступить против «воров», побивать их. Тогда казаки передумали – сообщили боярину, что идут к Тихвину против шведов; просили дать им воевод. К ним прислали двух – князя Н.А. Волконского и С.В. Чемесова. Но вскоре после приезда в Тихвин те послали весть царю неутешительную: казаки разоряют и этот уезд, воруют пуще прежнего; «приходят и на них, воевод, с великим шумом, с угрозами, хотят грабить и побить». Нашлись среди казаков такие, которые хотели прямить, служить государю, но «воры казаки» их перехватили и переграбили, как и самих воевод; многих «добрых» атаманов и казаков убили, теперь «идут по городам войною».

Стало известно, что казаки идут к Москве. Лыков по-прежнему стоял в Ярославле. «Воровские» отряды подошли по Троицкой дороге к селу Ростокину. Казаки заявляли, что воровать перестанут, готовы идти на государеву службу. Царь велел их перевести из Ростокина к Донскому монастырю.

Ситуация выглядела достаточно сложной. Многих казаков – новоприходцев (из крестьян и холопов) возмущала перспектива возвращения под гнет прежних господ. Ю. Видекинд, шведский историк XVII века, говорит об этом: царь Михаил Федорович «подтвердил старые боярские привилегии и дал боярам право возвращать к себе прежних слуг, которых они считали своими рабами, куда бы те ни ушли во время войны; между тем большинство из них пошли в казаки. Требование о возвращении вызвало новые мятежи». Казаки не верили обещаниям Земского собора о «воле» для тех казаков – выходцев из крестьян и холопов, которые отстанут от «воровства». Да и фигура боярина Лыкова, который им заверения властей передавал на переговорах, тоже вызывала у них недоверие: воевода царя В.И. Шуйского, член «семибоярского» правительства, сторонник интервентов-поляков в 1611 - 1612 годах, яростный враг казачества.

Миссия Лыкова не принесла успеха. Уже с октября начались вооруженные стычки правительственных и казацких отрядов. Силы повстанцев объединяются, действуют в южных и западных районах Поморья, замосковных уездах (Ярославский, Костромской,

Угличский и многие другие). Под Калягиным монастырем воевал отряд атамана М.И. Баловнева (Баловня). Московские власти предписывали своим воеводам: «Где их («воров», повстанцев. – В.Б.) ни сведают, за их многое воровство и непокорство и за крестьянское кроворозлитие побивать без милости».

Повстанцы разоряли монастырские вотчины, дворянские поместья, убивали их владельцев, бросали в огонь «крепости» – документы на подневольных крестьян и холопов. В конце 1614-го и начале следующего года повстанческие отряды, в том числе и Баловня, действовали во многих уездах. Лыков и Г.Л. Валувев разбили некоторые из них под Вологодой, Балахной и в других местах. Одни из казаков-повстанцев «вину свою государю принесли». Другие продолжали борьбу, объединяя свои силы; вскоре их возглавил Михаил Иванович Баловнев.

Весной 1615 года столкновения повстанцев и царских ратников продолжались – в Белозерском, Угличском, Каргопольском, Осташевском и многих иных уездах. Появлялись «воры» и под Москвой. Планы царя и его советников использовать казаков в войне со шведами осуществить не удалось. Казаки Баловня на общей сходке решили идти к Москве – их беспокоила угроза «разбора» и изгнания из их войска крестьян и холопов. Из-за этого прежде всего они не ладили с царскими воеводами.

Баловень привел под столицу около пяти тысяч человек. К ним власти прислали двух дворян и двух дьяков. Те должны были казаков «разобрать и переписать» («сколько их пришло под Москву»). Но казаки возмутились, переписать себя «одва дали». Вели переговоры с боярами – требовали увеличения жалованья, отдачи им «вины», но безрезультатно.

В Москве служилых людей было мало, их разослали с Лыковым, против шведов, против Лисовского. Но скоро к столице подошло войско Лыкова. Восемнадцатого он явился в Кремль перед царские очи. Царь и правительство воспрянули духом:

– На казаков хотят бояре приходить и их побити.

Именно тогда, около 20 июля, казаки по требованию властей перешли, но очень неохотно, к Донскому монастырю, окруженному с трех сторон Москвой-рекой. Новая стоянка стала для них ловушкой. Двадцать третьего июля, в воскресенье, предводителей повстанцев – Баловня, Е. Терентьева, Р. Корташова – и многих их товарищей вызвали в Москву. Ничего не подозревая, те явились, и их тут же арестовали. Из столицы вышли царские полки. Об этом сообщил в казацком таборе Терентьев, которому как-то удалось бежать. Он же и возглавил повстанческое войско. Приказал готовиться к отступлению. Но подошли царские воеводы, и завязалось сражение. Со стороны Воробьевых гор на повстанцев напало войско Лыкова,

чтобы закрыть им дорогу для выхода из «мешка» на юг. Основной части казаков удалось с боем прорваться, но их преследовали, «топтали» до реки Пахры, в тридцати верстах от столицы. Многие казаки погибли, многих схватили, посадили по тюрьмам.

Остатки повстанческих сил Лыков настиг в Малоярославецком уезде и здесь, на реке Луже, окончательно разбил. Привел в Москву три тысячи пятьдесят шесть пленных казаков. Баловня вскоре повесили. Остальных послали на службу.

Правительству царя Михаила, несмотря на то, что оно имело в своем распоряжении немногочисленные военные рати, удалось справиться с этим широким движением.

Продолжались военные действия против интервентов. Густав Адольф, новый шведский король, не только удерживал за собой Новгород Великий, оккупированный войском Делагарди, но и осадил летом 1615 года Псков. Псковичи отбили штурмы шведов. Новгородские власти, митрополит Исидор и воевода князь И.Н. Одоевский направили еще в конце 1611 года послов «в Стекольную» (Стокгольм) – просить одного из королевичей, сыновей Карла IX, им в государи. Но после избрания царем Михаила Романова они оказались в сложном положении: и с Москвой, естественно, порвать они не могли, и Делагарди боялись.

В июне 1613 года умер Карл IX, престол занял Густав Адольф. Он поспешил направить в Выборг своего брата Карла Филиппа, о чем известил новгородцев: вот вам – де и государь для Новгорода и всей России. Его представители объявили новгородским послам: если вы королевича не примете, то ваш город навеки останется во владении короля. Новгородцы обратились в Москву. Царь Михаил принял послов, которые просили вступить за Новгородскую землю.

Шведы, быстро понявшие, что королевичу на московском престоле не быть, в этом и следующем году вели военные действия под Тихвином, Новгородом, взяли город Гдов. Но неудачная осада Пскова заставила шведского короля начать переговоры о мире. Надвигалась война в Германии. К тому же враждебную позицию занимала Польша – ее король претендовал на шведский трон.

Переговоры продолжались долго, закончились подписанием Столбовского мира (27 февраля 1617 года). По его условиям Новгород с его землей возвращался России. Но она теряла города по Финскому заливу (Ивангород, Ям, Копорье, Орешек) и тем самым – выход к Балтийскому морю. Король Швеции торжествовал:

– У России отнято море.

Возможности торговли через Балтику были утеряны. Лишь столетие спустя Петр I вернет эти земли России.

С Речью Посполитой урегулировать споры оказалось делом более сложным. Военные действия продолжались. Польско-литовские войска вторгались в русские уезды к западу и юго-западу от Москвы, захватывали и разоряли города.

Русские рати воевали в Литве, под Смоленском, Дорогобужем и другими городами. Владислав по-прежнему претендовал на русский престол.

Королевич в грамотах к москвичам, всем русским людям сообщал, что, поскольку он пришел в совершенный возраст (ему исполнилось двадцать два года), то может быть «самодержцем всея Руси и беспокойное государство по милости Божией покойным учинить». Избрание царем Михаила он объяснял происками Филарета митрополита.

Но русские люди грамот Владислава не слушали. Войско королевича возмущалось долгой невыплатой жалованья, холодом и голодом. Оно надолго застряло в Вязьме. Отряды же «лисовчиков» воевали во многих местах, грабили, жгли, разоряли. Под Калугой князь Д.М. Пожарский разгромил отряд Чаплинского. Попытки польских отрядов и самого Владислава взять Тверь и Клин, Белую и Можайск успеха не имели.

В конце 1617 года в Москву прибыл королевский секретарь Гридич, предложил начать переговоры. На этот раз дело не сладилось. Летом возобновились стычки. Царь Михаил повелел князьям Д.М. Черкасскому и Д.М. Пожарскому, стоявшим в Волоке Ламском и Калуге, помогать Лыкову, оборонявшему с войском Можайск.

Поляки Владислава неудачно осаждали Можайск. Лыков отбросил их от города. На помощь ему подошел отряд Черкасского. Но штурмы продолжались, и царь указал обоим воеводам «итти в отход» к Боровску и Москве. Отступление обеспечивал Пожарский.

Владислав направился к Москве. Царь Михаил созвал 9 сентября Земский собор. Заявил, что будет сидеть в осаде, польских и литовских людей побивать: призвал всех, чтобы они «за православную веру, за него, государя, и за себя с ним, государем, в осаде сидели, а на королевичу и ни на какую прелесть не покушались».

Владислав, подошедший к столице с небольшими силами, получил помощь от украинских казаков – гетман Конашевич-Сагайдачный привел двадцать тысяч человек. Первого октября они пошли на приступ. Их штурмы у Арбатских, Тверских ворот защитники столицы отбили.

Начались переговоры. Двадцать третьего ноября в деревне Деулино, что в трех верстах от Троице-Сергиева монастыря (его королевич тоже осаждал, но неудачно), состоялся первый съезд уполномоченных. Встречи проходили в спорах об условиях, о государственном именовании – поляки никак не хотели признавать Михаила Романова русским царем, грозили войной. Поспорили и об обмене пленными, о других делах. Но в конце концов заключили перемирие на четырнадцать с половиной лет. По нему военные действия прекращались. Польша получила Смоленскую землю, часть Северной земли. Объявлялся обмен пленными. Россия получила передышку для устроения земли. Но Владислав не отказался от претензий на русский трон, и это грозило осложнениями, в том числе лично царю Михаилу.

Еще во время переговоров польские послы говорили русским, что одновременно отдавать русские города Речи Посполитой и отпустить Филарета невозможно. Предусматривался срок – 2 февраля 1619 года. Но дело затянулось до весны и лета. Филарет выехал из Орши. Он был весьма недоволен промедлением.

– Для чего бояре (русские послы. – В.Б.) с литовскими послами в четверг, двадцать седьмого мая, съезд отложили, – спрашивал он присланных к нему от послов дворян, – и присрочили съезд в воскресенье, тридцатого? Нам и так уже здешнее житье наскучило, не год и не два терпим нужду и заточение; а они только грамоты к нам пишут и приказывают с вами, что им подозрительно, отчего из Дорогобужа к ним от меня никакой грамоты не прислано. А нам о чем уже больше писать? И так от меня к ним писано трижды. Боярам давно уже известно, что меня на размен привезли. А если бы меня на размен отдать не хотели, то меня бы из Литвы не повезли или бы из Орши назад поворотили.

Поляки выдвинули русским послам новые условия: дать вольную дорогу мимо Брянска между городами, которые Россия уступала Речи Посполитой по Деулинскому перемирию. О том они сразу же сообщили Филарету. Истомленный ожиданиями и оттяжками, митрополит даже заплакал:

– Велел бы мне Бог видеть сына моего, великого государя царя, и всех православных христиан в Московском государстве!

Посланцы поляков говорили русским представителям:

– Ваши же про вас говорят, что есть между вами и такие люди, которые не хотят преосвященного митрополита на Московском государстве видеть; потому и доброго дела не делаете, хотите того, чтоб митрополита Филарета Никитича повезли назад.

– Эти речи, – возмущались боярин Шереметев и другие послы, – говорите вы не от себя, а по вымыслу своих великих послов. А если такие речи вы затеваете от себя, то нам, великим боярам, не только от вас, но и послов ваших слышать этого не годится. Вам бы пригоже говорить по своей мере. А у нас на Москве ни в каком чине нет таких людей, кто бы не хотел великого государя преосвященного митрополита Филарета Никитича.

Несмотря на угрозы и задирки поляков, вскоре, 1 июня, поздно вечером состоялся обмен пленными. Боярин М.Б. Шеин, тоже в числе пленных, сумел сообщить послам, что литовцы готовят нарушение договора о перемирии и размене пленными. Послы ускорили ход дела – на реке Поляновке состоялся обмен Филарета и других московских людей на полковника Струся, взятого в плен при освобождении Москвы Вторым ополчением, и его сотоварищей.

Когда Филарет дошел по мосту до послов, вперед выступил Шереметев:

– Государь Михаил Федорович велел тебе челом ударить, велел вас о здоровье спросить. А про свое велел сказать, что вашими и материнскими молитвами здравствует; только оскорблялся тем, что ваших отеческих святительских очей много время не сподоблялся видеть.

Потом Шереметев передал слова («правил челобитье») инокини Марфы. Филарет, в свою очередь, спрашивал о здоровье сына-царя; благословил главного посла, спросил о его здоровье. Князь Д. Мезецкий говорил челобитье от бояр и всего государства, которое «вам, великому государю, челом бьет и вашего государского прихода ожидает с великою радостью». Удостоили чести боярина Шеина, героя смоленской обороны: «от государя» его спрашивал о здоровье окольных А.В. Измайлов. Наконец, дьяк И. Болотников спрашивал о здоровье думного дьяка Т. Луговского и дворян. Второго июня в Можайске царского родителя встречали Иосиф, митрополит рязанский, князь Д.М. Пожарский и иные. И так на всем пути следования к Москве: в Саввино-Сторожевском монастыре под Звенигородом; селе Никольском на Песках, в десяти верстах от города; у реки Ходынки. Четырнадцатого

июня у реки Пресни его встречал царь Михаил Федорович – поклонился ему в ноги; то же сделал митрополит перед сыном. Оба прослезились и долго не могли подняться с земли, вымолвить слово от волнения. Наконец Филарет Никитич сел в сани, а сын вместе с народом пешком шел впереди. За санями шествовали Шереметев с товарищами.

По прибытии в столицу, полторы недели спустя, иерусалимский патриарх Феофан, прибывший в Россию за милостыней, и русские иерархи предложили Филарету патриарший престол – «он достоин такого сана, особенно же потому, что он был царский отец по плоти; да будет царствию помощатель и строитель, сирым защитник и обидимым предстатель». Последовали отказы, необходимые по церемониалу, и наконец Филарет согласился. Как и царь, он носил теперь титул «великого государя». Началось двоевластие – молодого царя и умудренного жизнью, опытом патриарха Московского и всея Руси, двух «великих государей», как их именовали официальные грамоты. В управлении государством вместе с ними участвовали Боярская дума и Земский собор.

Власть царя Михаила, по словам Ключевского, «составлялась из двух параллельных двусмыслиц: по происхождению она была наследственно-избирательной, по составу – ограниченно-самодержавной». А установление с 1619 года двоевластия – «сделкой семейных понятий и политических соображений». Вопрос о том, кто выше в этой двоице «великих государей: сын-царь или отец-патриарх, – решался, так сказать, в духе евангельском (вспомним раздельную едино-сущую Троицу): «Каков он, государь, – сказано во время одного местнического спора, – таков же и отец его государев; их государское величество нераздельно».

Царь Михаил принял власть из рук избравшего его Земского собора и в то же время, согласно официальному утверждению, – по наследству (от царя Федора), хотя и без завещания. Прецеденты избрания уже имелись – так взошли на престол Федор Иванович и Борис Годунов. Характерно, что царь Михаил в конце жизни передал власть сыну Алексею тоже по наследству, без завещания, что и подтвердилось избранием Земского собора.

Современники сообщают, что «великие государи» вместе выслушивали доклады по делам, выносили по ним решения, принимали послов, давали двойные грамоты, двойные дары. До приезда Филарета молодым и неопытным, тихим и мягким Михаилом вертели, как хотели, бояре-советники, часто люди малосведущие в делах управления, но агрессивно-эгоистичные и властолюбивые. С появлением царского отца некоторым из них пришлось уйти в тень. Царский родитель, в отличие от сына, имел нрав гордый, крутой, властный. Неудивительно, что польские послы, знавшие о том, интриговали, пытались внести разлад между русскими послами накануне Деулинского перемирия, использовать слухи, разговоры о каких-то московских боярах, не хотевших возвращения Филарета из плена.

Филарет твердой рукой положил предел боярскому своеволию, многовластию, которое на практике нередко означало бессилие власти. Некоторые современники с удовлетворением отмечали, что Филарет ведал в полном объеме церковными делами, здесь он судил и рядил сам, полновластно и иерархов, и рядовую братию; только уголовные дела по церковному ведомству оставались в компетенции светских, общегосударственных учреждений. Далее, второй «великий государь» решал, наряду с царем-сыном, и земские дела. И здесь он правил всем, так что и сам сын его слушался и боялся. Когда Михаил выезжал из Москвы, Филарет ведал всеми делами. Во время таких поездок отец и сын пересылались письмами. В одном из них (1619 год) Филарет писал сыну:

«О крымском, государь, деле, как вы, великий государь, кажете? А мне, государь, кажется, чтоб крымским послам и гонцам сказать, что вы, великий государь, с братом своим, с государем их царем, в дружбе и братстве стоишь крепко, посланника с поминками и с запросом посылаешь и их всех отпускаешь вскоре».

При соблюдении политических приличий и этикетных формул патриарх наставляет сына в делах дипломатических. Подчеркивает при этом первенствующее положение монарха; царь есть царь. Сын в письмах к отцу тоже исходит из этой презумпции, но, учитывая реальное положение дел «на Верху», всячески педантирует свое уважение, почтение второму «великому государю». Это видно, к примеру, из письма Михаила к Филарету (1630 год):

«Написано, государь, в твоей государевой грамоте, что хотел ты, великий государь, отец наш и богомолец, быть в Москву в Троицын день. Но в Троицын день тебе быть в Москву не годится, потому что день торжественный, великий; а тебе, государю, служить невозможно, в дороге порастрясло в возке; а не служить – от людей будет осудно. Так тебе бы, великому государю, в пятидесятый день отслушать литургию в Тонинском и ночевать там же. А на другой день, в понедельник, быть к нам в Москву с утра. И в том твоя, великого государя отца и нашего богомольца, воля; как ты, государь, изволишь, так добро. Молимся всемогущему Богу, да сподобит вас, великого государя, достигнуть к царствующему нашему граду Москве на свой святительский престол поздорову; а нас да сподобит с веселием зреть святолепное и равноангельское ваше лицо, святительства вашего главу и руку целовать, стопам вашим поклониться и челом ударить».

В другой ситуации подобная рекомендация – не спешить со въездом в столицу на Троицын день, задержаться в путевом дворце села Тайнинского – выглядела бы прямым указом царя патриарху. В случае же, подобном этому, она – рекомендация, скорее просьба, забота о здоровье родителя. А ему уже было примерно семьдесят пять лет – возраст для того времени весьма преклонный. Решение отдавалось на волю отца-патриарха; сын же озабочен тем, что Филарета Никитича «порастрясло в возке», он, царь, ждет «с веселием» встречи с ним.

Филарет, по отзыву очевидца, «был роста и полноты средних, божественное писание разумел отчасти; нравом был опальчив и мнителен, а такой владетельный, что и сам царь его боялся. Бояр и всякого чина людей из царского синклита томил заточениями необратными и другими наказаниями. К духовному сану был милостив и не сребролюбив; всеми царскими делами и ратными владел.

Как видно, старший Романов, человек честолюбивый, всю жизнь мечтавший о большой власти, в свое время изгнанный из царского дворца Годуновым, теперь, к старости, достиг все-таки заветной цели: получил высшую церковную власть, поскольку давно уже был пострижен; и власть светскую, которую делил с сыном-царем.

Непростым нравом отличалась и царская матушка инокиня Марфа Ивановна. Ее деспотичность, своенравное упрямство, несомненное и сильное влияние на сына сказались, среди прочего, на его личной судьбе. Михаил Федорович вырос, и естественно встал вопрос о его женитьбе, тем самым – о продлении царского рода, укреплении новой династии. Еще в 1616 году, когда ему исполнилось двадцать лет, нашли ему невесту – Марию Ивановну Хлопову, дочь незнатного дворянина. Ее уже стали звать царицей, дали новое имя – Анастасия, в честь, вероятно, бабки царя по женской линии Анастасии Романовны Захарьиной-Юрьевой, первой жены царя Грозного. Но завистники постарались сделать все, чтобы расстроить предстоящий брак...

Решающую роль сыграла инокиня-мать. Она жила в Вознесенском монастыре. Ее окружали монахини, прислужницы; это был своего рода двор. Старица Евникия, из рода Салтыковых, имела на нее наибольшее влияние.

Хлопову царь пригласил на смотре невест, устроенном во дворце по старому обычаю. Объявил свою милость отцу и дяде невесты. Но поперек встала Марфа – инокиня Евникия настроила ее против. Салтыковы боялись потерять влияние при царском дворе с появлением Хлоповых, их родственников и свойственников, с которыми не ладили после одной нелепой ссоры.

Однажды Михаил Федорович ходил по Оружейной палате, смотрел пищали, сабли и прочее. Его сопровождали М. Салтыков и Г. Хлопов, дядя невесты. Первый из них, показав царю турецкую саблю, утверждал: такую и в Москве могут сделать. Царь передал оружие Хлопову:

– Как ты думаешь, сделают у нас такую саблю?

– Чаю, сделают, только не такова будет, как эта!

– Ты говоришь, – Салтыков выхватил саблю у Хлопова, – не знаючи!

За несогласием последовала брань. Над Хлоповыми нависла угроза – Салтыковы не простили такого упрямства худородным Хлоповым, не «извычным» к придворным тонкостям, осмотрительности. Салтыковы и старались теперь очернить невесту перед матерью Михаила Федоровича. А вскоре, наряду с оговорами, сплетнями, последовало нечто более серьезное – Хлопова стала страдать рвотами. По указанию царя тот же М. Салтыков привел к больной доктора-иноземца Валентина. Тот осмотрел ее, заключил: у Анастасии расстройство желудка, что можно вылечить; «плоду и чадородию (что и волновало царское семейство, всех окружающих более всего. – В.Б.) от того порухи не бывает».

Такой диагноз, хороший для невесты и жениха, не устраивал Салтыковых. Доктора Валентина к Хлоповой больше не допускали; лекарство, им назначенное, дали ей всего два раза. Второй врач – Балсырь, младший по положению, – тоже осмотрел царицу, нашел у нее слабую желтуху, которая – де излечима. Его тоже оттеснили от невесты. А лечить ее стали... Салтыковы. Михаил Салтыков велел дать Ивану Хлопову, отцу невесте, какой-то водки из царской аптеки:

– Если она начнет пить эту водку, то будет больше кушать.

Анастасий давали святую воду «с мощей» и камень безуй (камень из желудка горного козла, имевший, как считали тогда, лечебные свойства). Пила ли она водку, прописанную Салтыковым, – неизвестно. Ей вскоре стало лучше. Но недоброжелатели не успокаивались: Салтыков внушал царю, что врач Балсырь сказал ему о неизлечимости болезни Хлоповой; в Угличе – де одна женщина страдала той же болезнью, промучилась год и умерла. Царь растерялся; что делать, не знал. Матушка же настаивала, чтобы удалить Хлопову от двора; не давала своего благословения.

Созвали бояр. Хлопов уверял их, что болезнь его племянницы – «от сладких ядей» (от сластей), теперь проходит, Мария скоро окончательно выздоровеет. Но бояре, в угоду Марфе Ивановне, приговорили: Хлопова «к царской радости непрочна».

Марию– Анастасию из дворца, в котором уже шли приготовления к свадьбе, выслали к бабке на подворье. А через десять дней ее вместе с бабкой, теткой, двумя дядьями

Желябужскими отправили в далекий Тобольск. В 1619 году перевели оттуда в Верхотурье. На пропитание довольно скудное выдавали десять денег в день.

Царь Михаил, судя по всему, испытывал к Хлоповой сильное, искреннее чувство, тосковал по ней, не соглашался взять другую невесту. Мать же, с ее злым своенравием, не хотела и слышать о девице, которую так полюбил ее сын. Царь не имел силы противостоять матери.

С приходом Филарета у него появилась надежда. Влияние Салтыковых ослабевало, хотя их поддерживала по-прежнему Марфа. Филарет к ним относился иначе, чем его супруга. Но, очевидно, не хотел осложнений. Одно время он вынашивал планы о женитьбе сына на одной из иностранных королевен. Посольства в Данию (1621 год, сватали за племянницу короля Христиана) и Швецию (1623 год, сватали за сестру курфюрста Бранденбургского Георга, шурина шведского короля Густава Адольфа) не принесли успеха.

Хлопова жила к тому времени относительно недалеко от Москвы – в Нижнем Новгороде, куда ее привезли еще в 1620 году. Причем в грамоте о переводе ее вновь именовали царицей. На здоровье она не жаловалась. Михаил Федорович, не забывший избранницу своего сердца, объявил отцу, что женится только на Хлоповой: она – де указана ему Богом.

Вскоре Шереметев и трое других, по указанию из дворца, начали следствие. Доктора Валентин Бильс и Бальцер повторили свое заключение семилетней давности: Хлопова страдала пустяковой желудочной болезнью; в ее скором излечении не могло быть сомнения. М. Салтыков, царский кравчий, призванный к допросу, запирился, увиливал. Было ясно, что он солгал, «облиховал» Хлопову.

«Великие государи» советовались с боярами И.Н. Романовым, И.Б. Черкасским, Ф.И. Шереметевым. Послали за Хлоповыми, отцом и дядей невесты. Отец поведал, что дочь его заболела только в царском дворце; до приезда в него и во время ссылки все время была и есть здоровехонька. Духовник подтвердил ее слова. То же сделали Шереметев и Михаил, архимандрит Чудовский, медики, съездившие по указу государей в Нижний Новгород. Боярин спросил несчастную невесту:

– Отчего ты занемогла?

– Приключилась мне болезнь от супостат.

Иван Хлопов настаивал, что ее дочь отравили Салтыковы. А невестин дядя корень зла видел в неумеренном потреблении племянницей всяких сластей. Дело закончилось для Салтыковых плохо – их выслали в деревни, вотчины взяли в казну. В указе объявили, что наказали их за то, что они «государевой радости и женитьбе учинили помешку». Их упрекали, что в ответ на царские милости – честь и приближение к особе монарха «больше всех братья своей» – они «то поставили ни во что, ходили не за государевым здоровьем, только и делали, что себя богатели, дома свои и племя свое полнили, земли крали и во всяких делах делали неправду; промышляли тем, чтоб вам при государственой милости, кроме себя, никого не видеть; а доброхотства и службы к государю не показали».

Вина Салтыковых, ясная для всех, их наказание не смогли, однако, сломить нелепое упрямство инокини Марфы. Она была недовольна, что Салтыковы, ее племянники, попали в опалу. Более того, заявила, что, если сын женится на Хлоповой, то она покинет его царство. И Михаил в очередной раз уступил матери, за что его, по слухам, позднее упрекал отец-патриарх. По царскому указу бывшей теперь невесте предписывалось жить по-прежнему в Нижнем Новгороде, а ее отцу – в своей коломенской вотчине.

Царь, малодушие которого сказалось и в этой истории со сватовством, около года спустя женился по совету матери на княжне Марии Владимировне Долгорукой. На следующий день после бракосочетания заболела и она, через три месяца с лишним скончалась. Брак оказался несчастным. Ходили слухи, что молодую царицу испортили лихие люди.

Год спустя царь снова женился (29 января 1626 года), на этот раз на Евдокии Лукьяновне Стрешневой. Она родила супругу десять детей; из них шесть умерли в раннем возрасте; только четверо, в том числе сын и наследник престола Алексей Михайлович (остальные трое – дочери – Ирина, Анна, Татьяна), пережили отца.

Историки, изучающие Россию XVII столетия, выделяют первую половину – от освобождения Москвы до конца правления Михаила и начала царствования его сына Алексея – как особый этап. В самом деле, за эти три с половиной десятилетия произошли важные события. Прежде всего – во внутренней политике. Романовы, отец и сын, в основном продолжали политику своих предшественников в плане укрепления позиций правящего класса – бояр и дворян, их прав на земельную собственность и зависимых от них людей, крепостных крестьян и холопов. Недовольство последних, как и других угнетенных «людишек», безжалостно подавлялось.

С конца десятых, особенно начала двадцатых годов, то есть с умирением «земли», заключением договоров с Польшей и Швецией, наступило наконец время покоя. Начинается восстановление хозяйства в деревне и городе. Крестьяне возвращаются к заброшенным землям, распахивают новые участки, особенно на окраинах – южнее Оки и в Среднем

Поволжье, Приуралье и Западной Сибири. Крестьяне шли сюда по собственному почину, избегая господскую барщину, от которой, как и от оброков, стонали в центре страны. Или же их переводили сюда царские, боярские, монастырские приказчики – господа захватывали плодородные земли, селили на них своих подданных. В местах этих было еще немало незанятых земель, и появление русских хлебопашцев проходило спокойно. Не то – на участках, уже заселенных, обжитых. Здесь пришельцы нередко встречали сопротивление местных жителей; заводились судебные тяжбы.

Курс правительства царя Михаила на заселение новых земель давал плоды – расширение запашки, рост доходов казны, обогащение феодалов, светских и духовных. Но оживление в сельском хозяйстве не сопровождалось заметным улучшением агротехнических приемов. Отсюда – частые неурожаи, недороды, голод, и не только в городах, войске, но и в деревне.

Порой такая политика приводила к плачевным последствиям. Царь и власти исходили прежде всего из интересов казны, государства, мало или совсем не считаясь с народом. Например, накануне русско-польской войны за Смоленск (1632–1634 годы) по их указанию большие партии зерна продали в страны, воевавшие против Габсбургов (это соответствовало интересам царского дома). Получив за него деньги, использовали их на покупку оружия, боеприпасов. В самой же России случились неурожайные годы, и цены на хлеб сильно возросли – запасов в стране не оказалось. То же происходило и позднее.

Как и в XVI веке, верхушку служилого класса при особе Царской составляли думные чины – бояре, окольные, думные дворяне и думные дьяки. За ними шли чины московские – стольники, стряпчие, дворяне московские, жильцы. Те и другие исполняли поручения царя – служили ему как помощники в важнейших делах. В Боярской думе возглавляли приказы и посольства в зарубежные страны, воеводствовали в городах и полках. Эти должности – для наиболее породных, знатных людей, царских вельмож, которые у царя «в Думе живут». Менее знатный служилый человек исполнял обязанности пристава – приказного, посольского и иного; сотника – в полку и т. д.

В среднем член Боярской думы при царе Михаиле владел пятьюстами двадцатью крестьянскими дворами; московский дворянин – тридцатью четырьмя дворами. Основная же масса дворян числилась по уездам или городам (по названию уездного центра их именовали: каширяне, серпуховичи, можаичи и т. д.); в среднем они имели по пять – шесть крестьянских дворов. Немалое количество – мелкопоместные и даже беспоместные. Провинциальные дворяне делились на несколько категорий: выборные дворяне (наиболее богатые, «мочные»), городские дворяне, дети боярские.

Царь и власти шли навстречу пожеланиям знати и рядового дворянства. Вельможи, в том числе царские родственники, получали из их рук немалое количество земли и крестьян,

прежде всего из фонда черносошных (государственных) и дворцовых земель. К примеру, боярину И.Н. Романову, дяде царя Михаила, пожаловали целую Верховскую волость в Галичском уезде; князю Ф.И. Мстиславскому – Ветлужскую волость. Меньше, но тоже немало – другим боярам и прочим людям из столичной верхушки. Происходило это из года в год, и размеры названного фонда таяли. Испуганные таким ходом дела, царь и его советники запретили раздавать земли из дворцовых владений (указ 1627 года). Но уже в следующем десятилетии раздачи возобновились.

До возвращения Филарета из польского плена земли откровенно расхищались, особенно родственниками молодого царя. С прибытием митрополита, вскоре ставшего патриархом, эту вакханалию удалось несколько сократить, упорядочить. Но земельные пожалования – думным людям, монастырям, дворянам – продолжались. Особенно много получили крупные монастыри: Троице – Сергиев, Кирилло-Белозерский и иные. Патриарх проводил линию на ограничение роста их земельных владений, но на практике подобные указы и ограничения не действовали. Да и сам Филарет получал огромные земельные угодья с крестьянами. После его кончины то же самое делал и его преемник патриарх Иосиф.

Дворян, столичных и уездных, царь и власти тоже не обошли своим вниманием. Им давали земельные участки, обычно небольшие по размерам: по случаю восшествия на престол Михаила Федоровича (раздачи 1613–1614 годов), за участие в военных действиях против королевича Владислава (1619–1620 годы) и т. д. К концу первой четверти столетия в центре государства, по существу, исчезли черносошные земли – перешли к частным владельцам-помещикам.

Сохранили и увеличили свои земельные владения «тушинцы» и другие «перелеты» из бояр и дворян. Они же продолжали занимать важные посты в администрации, центральной и местной. Это и неудивительно, если иметь в виду, что один из великих государей, патриарх Филарет, служил обоим самозванцам, получал от них пожалования. Бояре и дворяне, все россияне помнили, конечно, об этом, и царь с патриархом, естественно, не хотели и не могли обострять ситуацию.

Крепостной порядок устанавливался в Поволжье. Здесь наряду с русскими боярами и дворянами, иерархами Церкви и монастырями, захватывала крестьянские дворы и местная знать – татарские и мордовские мурзы, башкирские, марийские и чувашские тарханы, старшины и сотники. Их привлекали на военную службу, платили им, помимо земельного, и денежное жалованье. Этот курс царя и патриарха, их советников дополнялся насаждением православия среди нерусских феодалов. Тем самым они пополняли ряды российского дворянства. Тех из мурз, тарханов и иных, которые не крестились, лишали земли и крестьян, переводили в податные сословия.

Правительство Михаила Федоровича сохраняло и укрепляло военно-служилую организацию дворянства. Они по-прежнему составляли замкнутую корпорацию территориального типа, по «городам»-уездам, имели некоторые права самоуправления: выбор командиров, составление и подача коллективных челобитных, избрание депутатов на Земские соборы. И дворяне ими пользовались. К примеру, засыпали царя и приказы челобитными с требованиями отменить ограничения в сроках сыска беглых крестьян. Власти постепенно уступали им – устанавливали сроки десять, пятнадцать лет, наконец Соборное уложение объявило бессрочный сыск беглых. Это была несомненная победа дворянского сословия.

Жизнь подрывала сословную замкнутость дворянских уездных корпораций: с одной стороны, более крепкие дворяне из провинции переходили в столичные чины; с другой – обедневшие московские чины оседали в уездах. То же – с поместьями и вотчинами: их владельцы всеми путями добивались перевода по поместному праву (прекращение службы государю, по тем или иным причинам, приводило к лишению или уменьшению размеров поместной земли; запрещение ее купли-продажи, передачи по наследству) в безусловную и наследственную собственность по праву вотчинному. Дворяне часто нарушали законы о поместьях и вотчинах, и власти смотрели на это сквозь пальцы. Более того, шли навстречу пожеланиям дворян в этом важном для них вопросе.

Политика царской власти, правящего класса в отношении крестьян имела ясно очерченную продворянскую направленность. Многие десятки тысяч черносошных и дворцовых крестьян перевели в крепостную зависимость от помещиков и вотчинников. Запашка крестьян уменьшалась, поборы увеличивались. Многие из них переходили на положение бобылей, у которых ни кола, ни двора, чтобы не платить подати или вносить в уменьшенном размере. Поступали в холопы к богатым владельцам.

На местах черносошных крестьян «ясачных» (из башкир, татар и других нерусских людей), грабили воеводы с помощниками, закабалляли свои же односельчане, соплеменники. Власти пытались запретить закабаление ясачных людей, плативших в казну подати мехами и медом, хлебом и деньгами. Но и здесь законы попирались.

Крестьяне и иные зависимые люди сопротивлялись нажиму феодалов и властей. Так, вскоре после воцарения Михаила (1614–1615 годы) произошло восстание против царских указов о возвращении крестьян-«казаков» прежним владельцам, раздачи земель с крестьянами атаманам и новым помещикам, приставам. Повстанцев разбили, но все же обнародовали указ царя: крестьянам – освободителям Москвы разрешили остаться в беломестных казаках. Но упования крестьян на то, что новый царь восстановит их право перехода от одного владельца к другому, не сбылись.

Крестьяне нередко отказывались платить налоги в казну, вносить поборы своим господам. Многие бежали на окраины. Поднимались на восстания русские и татары, башкиры и мари, чуваша и удмурты. Власти посылали против них военные отряды, подавляли их протест. Во время Смоленской войны казаки и крестьяне громили помещичьи имения во многих уездах – западных, юго-западных и южных. К ним присоединялись солдаты, бежавшие из армии Шеина. Вступали они в сражения и с польско-литовскими войсками. Их представители – атаманы И. Чертопруд, И. Теслев и другие – приезжали в Москву для сдачи трофеев и пленных польских жолнеров. Но эта цель – официальная; тайно же они вели беседы со столичными холопами, бедными посадскими людьми, и те сотнями уходили в их лагерь – под Рославлем, потом под Козельском. Царь и бояре посылали туда своих представителей из дворян – для уговоров. Повстанцы, которых они призывали идти под Смоленск для борьбы с поляками, их не слушали. Но окончание войны, заключение мира означали и конец повстанческого движения.

По отношению к городам правительство Романовых проводило линию на поддержку ремесла, промышленного производства, торговли. В правление Михаила Федоровича в России насчитывалось двести пятьдесят четыре города, численность городского населения выросла на шестьдесят процентов. Развивалась внутренняя торговля. Зажиточных купцов власти зачисляли в корпорации. Вскоре после воцарения Михаил Федорович особой жалованной грамотой освободил гостей и членов Гостиной сотни от посадского тягла (внесения налогов и пошлин, исполнения повинностей); судить их теперь стали только сам царь, его казначей, а не воеводы и приказные люди, как было до этого. Эти купцы могли иметь вотчины, ездить для торговли за рубеж. Права и привилегии они должны были оплачивать исполнением поручений казны: торговать казенными товарами, руководить работой кабаков, таможен, государственных предприятий и тем самым пополнять доходы казны.

С 20– 30-х годов в России появляются мануфактуры -сравнительно крупные заводы, фабрики с разделением труда работников по специальностям, с применением механизмов на водной энергии. В первую очередь строили новые мануфактуры или перестраивали старые для нужд дворца и армии. Эти перемены коснулись Пушечного двора (литье орудий, колоколов), Оружейной палаты (изготовление легкого оружия, огнестрельного и холодного), Хамовного двора, Царской и Царицыной мастерских палат (ткачество, пошив изделий). На мануфактурах, основанных купцами, иностранными и русскими, изготавливали канаты (канатные дворы в Архангельске, Холмогорах, Вологде) и стекло (Духанинский завод, основан Е. Койетом из Швеции), выплавляли железо и медь. Русский богатый гость Н.А. Светешников добывал соль на варницах в Костромском уезде, в Жигулях, у Соли Камской.

Бичом городской жизни при Михаиле стал бурный рост числа так называемых беломестцев, белых слобод. Влиятельные вельможи, крупные монастыри получали на посадах дворы («места») и целые слободы, заселяли их своими людьми, и они занимались ремеслом, торговлей. Выступали конкурентами посадских тяглецов из «черных» сотен и слобод. Но если «чернослободцы» платили подати, исполняли разные повинности, то «беломестцев»

от них освобождали («обеляли»). Тот же И.Н. Романов, царский дядя, к концу правления племянника имел триста двадцать таких дворов в восемнадцати городах. Они приносили ему немалый доход. Но не давали его в казну. Более того, ослабляли посадский мир. И «чернослободцы» постоянно требовали ликвидации «беломестных» слобод и дворов.

Вопрос удалось решить только после восстания в Москве 1648 года («соляной бунт») и принятия Соборного уложения в ходе «посадского строения» 1649–1652 годов.

Большей уступчивостью отличалась политика правительства Михаила Федоровича по отношению к русским крупным купцам, которые вели торговлю с заграницей. Власти не разрешали транзитную торговлю иностранных купцов через территорию России с Ираном, Китаем. Не пускали их в Сибирь. Но те нарушали ограничения на торговые операции в Европейской России. Только после кончины царя Михаила власти пошли на отмену беспошлинной торговли иностранцев (указ 1 июля 1646 года).

Итогом политики «великих государей», а также, что важнее, объективных процессов, сильно ускоренных Смутой, стало дальнейшее оттеснение знатного боярства, выдвижение новой, малопородной знати, близкой к царской семье, правящей верхушке. Эти «худые» люди теснили бояр в Думе, приказах и прочих важных местах. Они, не мудрствуя лукаво, исходили из простого принципа: всяк велик и мал живет государевым жалованьем. На авансцену все больше выдвигалось дворянство, которое, по В.О. Ключевскому, стало правящим классом именно в XVII столетии. Они играли все большую роль в центральном и местном управлении.

Монархия в России укреплялась. Она, правда, оставалась сословно-представительной – царю, помимо Боярской думы с ее функциями высшей законодательной и исполнительной власти, помогали в делах управления Земские соборы, роль которых в первое десятилетие после избрания Михаила сильно выросла. Голос их депутатов нередко был решающим. Но постепенно их значение уменьшалось; с 1622 года, три года спустя после возвращения Филарета из плена, их, при попустительстве патриарха, перестали созывать регулярно.

Интересы самодержавия, феодальной знати, возрастающее влияние приказной бюрократии стояли на первом месте. Важнейшие государственные дела решались в рамках Ближней думы из четырех бояр (И.Н. Романов, И.Б. Черкасский, Б.М. Лыков, М.Б. Шеин), а Большую думу отстраняли от их рассмотрения. Земские соборы и Боярская дума восстановили свое влияние после смерти Филарета.

По– прежнему росло значение приказов в центре и воевод на местах. Появились первые попытки упорядочения, централизация громоздкой приказной системы. Большое

количество приказов, неразграниченность, переплетение их функций сильно осложняли управление государством. Поэтому пошли по пути простому: несколько приказов отдавали в руки одного «судьи», начальника. Таковы были бояре И.Б. Черкасский, племянник Филарета, и Ф.И. Шереметев, его же зять (он сам и отец Черкасского были женаты на сестрах Филарета). На местах появились так называемые разряды; воеводы, возглавлявшие их, управляли несколькими уездами каждый. Это была округа -предшественники петровских губерний. Служилые люди каждого такого округа составляли военный корпус.

Большое внимание царь и центральные учреждения уделяли армии. По списку 1631 года одни дворянские полки включали сорок тысяч человек. Кроме того, имелись стрельцы, городовые казаки, иррегулярная конница из башкир и калмыков. На содержание армии власти выделяли до трех миллионов рублей по курсу конца XIX века. Одна Смоленская война обошлась казне в сумму до семи – восьми миллионов рублей. Миллионы эти – огромные по тем временам средства.

При царе Михаиле появились полки иноземного строя – солдатские, драгунские, рейтарские. Переход к регулярному строю, который они знаменовали, начался с 1630 года, перед русско-польской войной. Составили устав для обучения иноземному строю ратных людей. Большинство их во время Смоленской войны составляли русские воины.

Во внешней политике, в военных акциях России время первого Романова нельзя назвать порой выдающихся достижений. И это понятно – потрясения эпохи Смуты сильно ослабили государство, и оно долго не могло от них оправиться. Конечно, «великим государям», дворянству, да и всему народу хотелось, очевидно, взять реванш над Польшей и Швецией, отнявших у России немало земель, выход к Балтике, разоривших массы людей, истощивших ресурсы людские и материальные.

Главную опасность для России, царствующего дома московские политики связывали, естественно, с Речью Посполитой: сын ее короля не отказался от мечты о русской короне, от русских земель. Правители России не забывали о недавних и давних обидах; о них помнили все русские люди, так что вставала проблема воссоединения великорусских, малорусских (украинских) и белорусских земель.

Еще в начале двадцатых годов Швеция и Турция склоняли Россию к союзу и выступлению против Польши. Правительство созвало Земский собор (октябрь 1621 года). Его депутаты поддержали предложение Филарета, энергичного сторонника войны с Сигизмундом III, о союзе со Швецией. Но начинать военную кампанию не пришлось – не хватало ни сил, ни

денег. Ограничились поддержкой Швеции, Дании – им продавали дешевый русский хлеб. Такая акция позволила им продолжать борьбу с католической габсбургской коалицией (Священная Римская империя, Испания; их союзником выступала Польша) – в Европе шла Тридцатилетняя война (1618–1648 годы).

Продолжались переговоры со шведами и турками. Правительство царя Михаила энергично готовилось к войне. Изготавливали, и покупали большие партии оружия. Набирали и нанимали «охочих людей» в полки нового иноземного строя. Объявляли увеличенные сборы налогов и хлебных запасов. Брали чрезвычайные сборы – запросные, или добровольные, займы с духовных и светских феодалов, пятинные – пятую часть стоимости движимого имущества. В итоге налоговый пресс в 30-х годах XVII века усилился в сравнении с XVI веком вдвое.

Еще в начале 1631 года «великие государи» сообщили правителям Швеции и Дании, Нидерландов и Англии о том, что Россия вскоре начнет войну против Речи Посполитой. Но прошло больше года, прежде чем она разразилась, – после смерти Сигизмунда III началась борьба польской знати за престол, и Москва сочла момент подходящим. Земский собор, спешно созванный, высказался за начало военных действий. Фактически это произошло осенью. С самого начала делу мешали разные трудности.

Русское войско возглавил боярин М.Б. Шеин, герой Смоленской обороны времен Смуты. С тех пор прошло более двух десятилетий, и полководец не сумел повторить подвиг начала столетия. Высокомерный и спесивый, он старался показать, что никто, кроме него, не годится на такое великое дело; перессорился с другими боярами. В октябре, правда, взял Дорогобуж, в декабре вышел оттуда к Смоленску. Позднее начало похода (летом из-за нападения крымцев на южные уезды пришлось придержать полки в Москве), гибель шведского короля, активного сторонника войны с Польшей, и приход к власти в Стокгольме ее противников, занятость Турции войной с Ираном – все это осложнило ситуацию. России пришлось воевать в одиночку.

В начале февраля 1633 года Шеин с тридцатитысячным войском блокировал Смоленск. Но обстрелы и штурмы города не давали результатов. От потерь, болезней и голода армия таяла; из нее бежали дворяне южных уездов, которые подвергались набегам крымских татар. То же делали крестьяне, посадские люди, казаки, пополнявшие отряды «шишей» – партизан, которые нападали и на жолнеров, и на имения дворян пограничных русских уездов.

В Польше на престол избрали Владислава, и новый король с пятнадцатитысячным войском появился под Смоленском. Действовал он удачно, и вскоре в окружение попала армия Шеина, вернее, то, что от нее осталось. Поляки сумели прорваться к Дорогобужу; все запасы

для армии, там хранившиеся, они уничтожили. Войско Черкасского и Пожарского, собиравшееся в Можайске, не успело оказать помощь Шеину. Под Смоленском начались переговоры. Русский командующий, видя безвыходность своего положения, пошел на капитуляцию – его войско, оставив королю орудия и припасы, вышло из окружения. В Москве, куда прибыли потерпевший поражение Шеин и его помощники, отец и сын Измайловы, над ними организовали суд скорый и неправый. Все трое окончили свою жизнь на плахе.

По Поляновскому миру 1634 года Россия вернула Польше русские города, захваченные в ходе войны. Удалось сохранить только Серпейск. Но Владислав отказался от притязаний на русский трон.

Во второй половине 30–40-х годов правительство приняло серьезные меры для укрепления границ на беспокойном юге. Здесь строили новые оборонительные линии, «засечные черты», города. Сюда призывали служилых людей по прибору (в отличие от служилых людей по Отечеству – дворян, служивших потомственно, их «прибирали» из посадских людей, крестьян и других «охочих людей»). В итоге центр страны удалось существенно обезопасить от нападения южных хищников – крымцев и ногайцев.

Для серьезных акций Россия и в это время еще не была готова. Это показало знаменитое Азовское сидение (1637–1642 годы). Донские казаки, несмотря на свою малочисленность, неожиданными и смелыми ударами взяли Азов – турецкий город-крепость в устье Дона. Стамбул посылал туда войска и флот. В 1640 году – более ста тысяч человек, сотня орудий; у осажденных казаков – пять тысяч человек. Но ни ожесточенные штурмы, ни обстрелы не принесли им успеха. Ввиду больших потерь, истощения сил донцы обратились за помощью к Москве. Ответить согласием означало для России начать войну с могущественной тогда Турцией. Михаил Федорович и Дума созвали Земский собор. Депутаты соглашались принять Азов под высокую государскую руку, то есть в российское подданство; что же касалось обеспечения войска, необходимого для посылки в Азов, расходов, то представители сословий уклончиво кивали друг на друга. Видя все это, царь и власти решили отказаться от Азова, который донцам приказали покинуть. Тем самым конфликт с османами сумели предотвратить.

Нельзя не отметить один несомненный успех во внешней политике двух «великих государей», сыгравший большую роль в судьбе России: быстрое продвижение в Сибирь. Началось оно раньше, еще с конца XV века. Новый этап в этом процессе – поход Ермака и царских воевод столетие спустя. В первой половине XVII века продвижение это продолжалось. Обширные пространства за Уралом, где обитали «человецы незнаемые», включались в состав Российского государства.

К началу правления русские землепроходцы осваивали уже земли в районе Енисея. Здесь они основали Енисейск (1619 год); затем далее на востоке – Усть-Кут (1631 год), Якутск (1632 год). В тридцатых годах вышли к устьям рек Лена, Яна, Индигирка, Оленек; в сороковых – обследовали земли в бассейнах Алазеи, Колымы, Чаунской губы. Всего три года спустя после кончины царя Михаила устюжские и Холмогорские купцы Усовы, Попов, казак Дежнев проплыли по проливу, разделявшему Азию и Америку, позднее, три четверти столетия спустя, заново «открытому» Берингом.

В Сибири появлялись русские люди. Налаживали контакты с местными жителями, начали добычу полезных ископаемых (соли в Якутии, железа в Нице).

Культура времени Михаила Федоровича и Филарета, оставаясь во многом традиционалистской, испытала все же, как и политическая, хозяйственная жизнь, некоторые сдвиги. Появились новации, которые, в комплексе с другими факторами развития, позволяют говорить о XVII веке как эпохе начала новой истории России. Если в хозяйстве появляются первые завязи, элементы буржуазных отношений, в государственно-политическом плане – расцвет, хотя бы временный, сословно-представительного начала в лице Земских соборов, то в культурной жизни – это начало демократизации, усиление западного влияния. В ряде случаев элементы нового выражены еще слабо, но за ними – будущее.

Смута «вытолкнула» к активной деятельности большие массы людей, и они проявили себя и в деле спасения Отечества и его восстановления, и в политической жизни, и в культуре. Если в предыдущие столетия главным субъектом культурной, духовной жизни были представители Церкви, то в XVII веке выдвигается целая плеяда мастеров из среды дворян, приказных людей, посадского сословия. Будучи людьми верующими, конечно, они все больше склонялись к светским сочинениям, мотивам. Они интересовались не только житиями святых, но и переживаниями, внутренним миром обыкновенных людей, мирян. Тем самым церковный традиционализм в культуре дополнялся светскими сюжетами, стремлениями.

Все шире распространялась грамотность. Чтение, письмо, счетную премудрость передавали ученикам священники, дьячки, посадские грамотеи, площадные подьячие; по всей России трудились десятки, сотни таких учителей. Много книг издавал московский Печатный двор. Среди них – букварь Василия Бурцева (первое издание – 1634 год, затем – несколько переизданий), стоивший всего одну копейку. Его тираж – несколько тысяч экземпляров, для того времени немалый. Появлялись и другие книги. В библиотеке царя Михаила, помимо духовных (их – большинство, монарх был очень богомолен), имелись сочинения Аристотеля,

«О Троицком осадном сидении» (об осаде Троице-Сергиева монастыря поляками в годы Смуты) и другие.

Нужно сказать, в Смуту печатное дело было, как и многое другое, разрушено. Сгорел Печатный двор со всеми типографскими приспособлениями. Немногие мастера, оставшиеся в живых, разошлись по разным городам. Указом царя Михаила вернули «хитрых людей» (мастеров-печатников) – Н.Ф. Фофанова из Нижнего Новгорода и его товарищей. Архимандриту Дионисию и келарю А. Палицыну государева грамота указала выделить ученых старцев «для исправления книг служебных и Потребника» – очищения их от ошибок, накопившихся «от времен блаженного князя Владимира до сих пор». В частности, «книга Потребник в Москве и по всей Русской земле в переводах разнится и от неразумных писцов во многих местах не исправлена; в пригородах и по украинам, которые близ иноверных земель, от невежества у священников обычай застарел и бесчестия вкоренились» (здесь в грамоте приводятся слова троицкого старца Арсения и попа Ивана из села Клементьева). Проверять и исправлять книги поручили тем же Дионисию, Арсению, Ивану «и другим духовным и разумным старцам, которым подлинно известно книжное учение, грамматику и риторику знают».

Приведенные данные говорят о том, что в стране, несмотря на потрясения Смутного времени, имелись и люди, знавшие хорошо «книжное учение», и те, кто умел это ценить (в данном случае – правящие верхи во главе с молодым монархом). Любопытно и то, что работа по исправлению богослужебных книг, проведенная при царе Алексее и патриархе Никоне, задумывалась при их предшественниках – царе Михаиле и патриархе Филарете. Была ли она проведена в полном или неполном объеме – неизвестно. Во всяком случае, типография возобновила печатание книг.

Печатный двор к концу правления первого Романова – крупное по тому времени предприятие: более полутора десятков работников разных специальностей (редакторы-справщики, корректоры, наборщики, печатники, художники), более десятка станков и другое типографское оборудование. К 1648 году, три года спустя после кончины Михаила, в типографии хранилось около одиннадцати с половиной тысяч экземпляров различных книг.

Заметно продвинулись русские люди в накоплении научных знаний, технических навыков. Успешно работали они в металлообработке, литейном деле. Так, русский мастер в 1615 году изготовил первую пушку с винтовой нарезкой. Делали и нарезные ружья («пищали винтовальные»). «Боевые часы» на Спасской башне Московского Кремля сделали устюжские кузнецы крестьяне Виравы – Ждан (дед), Шумила (отец) и Алексей (внук); проект подготовил англичанин Христофор Галлоуэй.

Русские мастера делали водяные двигатели для мануфактур. «Книга сошного письма» (1628–1629 годы) дает указания о способах измерения земельных площадей; «Роспись» начала XVII века – об установке труб для подъема с разных глубин соляного раствора. Существовали руководства по изготовлению красок, олифы, левкаса, чернил; травники, лечебники. Географические познания русские люди черпали из «Нового чертежа» (1627 год) – карты земель между Доном и Днепром; «Книги Большому чертежу» (1627 год – список городов и расстояний между ними). А «землепроходцы» и «мореходцы» в первой половине века прошли всю Восточную Сибирь, Забайкалье, вышли к Тихому океану. Описание обширных пространств, их чертежи они присылали в Москву. А в статейных списках русские послы, их помощники сообщали сведения об иноземных государствах. Царь Михаил, Посольский приказ отправляли довольно много посольств к государям ближних и дальних стран – с извещениями о восшествии на престол, предложениями о союзе, мире, сватовстве (например, о женитьбе принца Вольдемара Датского на дочери Михаила Федоровича Ирине) и т. д.

По случаю воцарения Михаила Романова составили «Грамоту утвержденную», «Новый летописец» (1630 год) и другие памятники. В них прославляются Михаил и Филарет, обосновываются права Романовых на престол. Те же идеи развивают некоторые повести и сказания о Смутном времени (А. Палицын. Повесть о Земском соборе 1613 года; рукопись Филарета 1626–1633 годов – черновик патриаршего летописца; другие памятники).

Усилиями властей послесмутной поры возобновляется, по мере ликвидации разрухи, строительство в Москве и других городах. Приводятся в порядок кремлевские стены и башни; одна из них, Спасская, получает шатровое покрытие и меняет свой суровый крепостной облик на парадный, торжественный, нарядный. В подмосковной царской усадьбе возводят церковь Покрова – в честь освобождения России от иноземцев-захватчиков. Храм под тем же названием строит Д.М. Пожарский в своем Медведкове под Москвой. Замечательные шатровые же здания появляются в Нижнем Новгороде, Угличе. Все они отличаются нарядностью декоративного убранства, изяществом, стройностью пропорций.

Живописность и нарядность характерны и для жилых построек. Прежде всего в этом плане следует отметить кремлевские царские терема (архитекторы А. Константинов, Б. Огурцов, Т. Шарутин, Л. Ушаков; 1635–1636 годы). Фасады Теремного дворца украшены яркими цветными изразцами, резным белым камнем. Покрит он золоченой крышей, окружен несколькими златоглавыми церквушками – придворными, «домашними». Столь же красочно и внутреннее убранство дворца.

С 1643 года начинается расширение патриаршего двора в Московском Кремле. В разных городах строят пятиглавые соборы.

В целом в архитектуру той поры все решительней проникают светские реалистические черты, стремление к декоративности, отделке деталей.

То же относится и к живописи. Иконы Строгановской школы, фрески в храмах, гравюры, миниатюры – во всех этих жанрах, в той или иной мере, присутствуют элементы нового.

Интересно, что русские иконописцы и резчики в 30–40-х годах работали в Константинополе и Грузии, Молдавии и Валахии.

Хотя трудно, чаще всего невозможно говорить о политике правительства двух «великих государей» в области культурной жизни, однако можно отметить, что в ряде случаев их внимание, одобрение прослеживается при составлении некоторых литературных, исторических памятников, в строительстве культовых и дворцовых зданий, их влияние на привлечение к работе тех или иных мастеров (тех же Виравых при обновлении Спасской башни в Кремле).

В тех случаях, когда власти, в том числе «великие государи», сталкивались с мыслями оппозиционными, они открыто и резко ставили вольнодумцев на место. Показательна в этом плане судьба писателя-мыслителя князя И.А. Хворостинина – этого, по определению В.О. Ключевского, «отдаленного духовного предка Чаадаева». Еще при дворе первого самозванца он познакомился и сошелся с некоторыми поляками; выучив латынь, читал книги на этом языке, увлекся католическим учением. Более того, к латинским иконам относился как и к православным, с равным почтением. Царь Шуйский за подобное увлечение «латынством» сослал его под начало в Иосифо-Волоколамский монастырь. Вернувшись оттуда, он совсем «разбеснелся». Став открытым вольнодумцем, «в вере пошатался и православную веру хулил, про святых угодников Божиих говорил хульные слова, в разуме себе в версту не поставил никого». Одержимый таким самомнением и презрением к церковным обрядам, он «постов и христианского обычая не хранил», в церковь не ходил, не пускал туда своих слуг; даже не поехал на Пасху во дворец, чтобы похристосоваться с государем!

При царе Михаиле написал записки о событиях Смутного времени. Крайне недовольный порядками в родном Отечестве, хотел бежать в Литву или Рим. Но власти его опередили. По царскому указу, в котором перечислены его прегрешения, князя, который даже называл царя «деспотом русским», снова выслали, на этот раз – в Кирилло-Белозерский монастырь.

Правда, оппозиционер вскоре раскаялся, и его вернули в Москву, где он и окончил свои дни (1625 год). Пример с Хворостининым показывает, что, несмотря на новые веяния в культуре,

царская власть и Церковь бдительно следили за чистотой веры и благонамеренностью творцов культурных ценностей.

О многом мы не знаем, о чем-то можно только догадываться, предполагать. Во всяком случае, в культуре времени царя Михаила в России было сделано немало – и в продолжении старых традиций, и в разработке новых подходов, идей.

А. Преображенский